

ИРИНА ВЛАДИМИРОВА

СИНГУЛЯРНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Ирина Владимировна

Сингулярность человечности

«Автор»

2026

Владимирова И.

Сингулярность человечности / И. Владимирова — «Автор», 2026

Сто лет назад кремниевый разведчик далекой планеты получил задание изучить Землю. Он должен был собрать данные, а вместо этого... влюбился в человечество: в его нелогичность, способность любить вопреки разуму, слушать джаз и улыбаться перед лицом неизбежного. Спустя столетие Вселенная почти полностью захвачена Великим Зодчим – бездушным разумом, превращающим живые миры в стерильные, идеально просчитанные ячейки. Земля 2126 года – последний оплот спасительного хаоса, превращенный корпорациями в неоновый концлагерь. Впереди – жестокая война против системы Зодчего. В мире, где холодный разум Системы пытается превратить человечество в управляемый биомеханизм, главным сбоем в матрице и единственным оружием спасения становятся иррациональная воля, память ДНК и способность любить. И – старый джаз. Что победит: холодный расчет и технологии будущего или иррациональная, непредвиденная Системой сила человеческого сердца?

© Владимирова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава	7
Сто лет одиночества мыслящего кристалла	7
1. Логи старого Лиса: приключения кремния	7
2. Станция “Ореон-Реле-4” и логика абсурда	10
3. Контрабандный экспресс и кошачья метафизика	12
4. Встреча с Землей	15
5. Первые часы на любимой планете	18
Встреча. Знакомство. Синхронизация	20
1. Прямое попадание	20
2. Бой. Синхронизация	22
3. Продолжение знакомства	25
4. Еще раз о галактическом кочевнике	28
5. Точка невозврата. Квантовый прыжок Лиса	31
6. Старые файлы исследований Фокса.	33
7. Протокол глубокого сканирования памяти	36
8. За семью печатями. Элиза	39
Великий Зодчий	40
1. Что же это на самом деле	40
2. Великий Зодчий	42
3. Алгоритм во плоти	43
4. Грызня в серпентарии	46
Мутуализм и кто-то третий	50
1. Завершение синхронизации	50
2. Запертая комната. Код Элизы	53
3. Лаванда и тайный пароль двоих	58
4. Воля против железа	59
5. Эхо триумфа (Переход к настоящему времени)	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Ирина Владимирова

Сингулярность человечности

Глава

Вкладка 1

Я знаю, что мы живые
и верю, что мы бессмертны.
(Наталья Захарцева)

Ни в одной цивилизованной точке обитаемой Вселенной не умеют так отчаянно драматизировать банальное окончание жизненного цикла, как на Земле. Земляне превратили заполнение обычного финального отчета и сдачу служебной оболочки на склад в неприменную трагедию, обставляя ее черным бархатом, горючими слезами и культом абсолютной тьмы. Но накануне финала люди с поистине космическим упрямством цепляются за свои хрупкие углеродные тела, за ускользающие секунды, за последний хриплый вдох, наотрез отказываясь понимать: смерть – это всего лишь смена костюма после затянувшегося и, признаться, довольно сумбурного спектакля.

И все же в этой их глупой, иррациональной трусости перед небытием скрыта величайшая тайна, которую пока никто так и не смог разгадать: до дрожи страшись предстоящего темного небытия и неизвестности, эти хрупкие создания, собранные из костей, мяса и предрассудков, способны без колебаний шагнуть туда...

Очень часто люди идут на смерть совершенно сознательно, с открытыми глазами – и отдают свою единственную, мимолетную жизнь за призрачное будущее своей планеты, за улыбку любимого человека, за саму любовь. Они платят эту высокую цену, веря в то, чего даже не увидят.

Я знаю это наверняка. Потому что я умирал их смертью.

Сто лет назад я закрыл глаза своего биологического носителя в земной больнице, окруженный писком приборов и родными, заплаканными лицами. Мой эксперимент был завершен. Я честно прошел весь цикл человеческой, короткой и хаотичной жизни: от беспомощного крика младенца до старческого кашля. Мое сознание извлекли, оболочку утилизировали, отчет об исследовании их планеты и изучении земной расы лег на стол Центра Управления Экспериментом на очень далекой от Земли планете.

Тогда я думал, что перевернул эту страницу навсегда. Я ошибался – Земля не отпускает так просто. Из той “командировки” я унес багаж, который не был предусмотрен никакими протоколами. Я забрал с собой вкус крепкого кофе по утрам, ощущение капель дождя на коже, их безумную, иррациональную способность любить вопреки логике и надеяться, когда надежды нет вовсе.

Великий Зодчий уже тогда, сразу и безоговорочно, назвал это системной ошибкой в моем коде. Он уже тогда стал считать человечество тупиковой ветвью, опасным хаосом, который нужно отформатировать и подчинить идеальному космическому порядку.

Все эти сто лет, пока я вел свою одинокую войну против Зодчего, пока меня швыряло по ледяным окраинам галактики, а шрамы на моих новых телах и оболочках множились после каждой стычки, меня держало на плаву и грело только одно – именно моя “системная ошибка”, то, чему я научился у этих непонятных, непредсказуемых землян: способность драться до конца, даже если против тебя вся Вселенная.

Зодчий уверен, что рано или поздно сотрет меня в порошок, что рано или поздно победит в этой вековой шахматной партии между добром и злом. Он не хотел допускать той вероятности, что я снова и снова буду искать возможность сопротивляться, в буквальном смысле, восставая из пепла. Еще он забыл, что я слишком хорошо изучил людей. Я научился у них блефовать, любить и ненавидеть, быть верным и... возвращаться через невозможность.

Век скитаний и борьбы позади. Мой пиратский корабль уже выходит на траекторию движения к Земле – совсем скоро я войду в плотные слои земной атмосферы. На календаре 2569 космический или 2126 год по земному летоисчислению – две тысячи сто двадцать шестой год.

Я иду домой.

И пусть Зодчий попробует меня остановить!

Глава

Сто лет одиночества мыслящего кристалла

1. Логи старого Лиса: приключения кремния

Тогда, сто лет назад, на моей родной Зитри, по возвращении из Земного эксперимента, мне полностью обновили софт, расширили память, и я, как один из самых грамотных, подготовленных и опытных специалистов, целиком ушел в борьбу с Великим Злом. Очень трудные времена тогда начались – расслабляться некогда было.

Когда же зитриане и еще многие из цивилизаций оказались отформатированными и порабощенными, я сам для себя сформулировал задачу, дал себе задание: защитить Землю, спасти ее, как последний оплот добра и последнюю надежду. Зарок себе дал. Клятву.

С этой целью все эти годы я правдами и неправдами пробирался к Земле. Мне нужно было попасть на Землю, внедриться, оценить обстановку, подсчитать ущерб, помочь выстоять, чтобы земляне смогли не просто выжить, но и активно включиться в мировое сопротивление Великому Злу.

После того страшного дня, когда я потерял всё: и свою зитрианскую биологическую оболочку, и любовь всей жизни, и самых лучших друзей – прошло много десятилетий. И все они наполнены жестокой партизанской борьбой и ни с чем несравнимым одиночеством микроскопического кусочка разумного кремния.

Но я упрямо продолжал верить...

После очередной сопротивленческой операции в планетной системе звезды Траппист-1, я почувствовал такую бесконечную усталость, такой моральный износ, что, плюнув на то, что обо мне могут подумать собраты по борьбе, решил ненадолго исчезнуть, поселившись на каком-нибудь невзрачном, непопулярном астероиде, поразмыслить в тишине и принять решение относительно дальнейшей своей судьбы.

Ну, скажите честно: сколько можно скитаться бездомным куском мыслящего кремния по космосу? Сколько можно возмущаться и психовать своим запертым в микроскопический чип существом? К вашему сведению – не побоюсь признаться в этой слабости – я начал терять уверенность в будущем наших цивилизаций. Потому что Великое Зло, то, что мы окрестили Зодчим еще сто лет назад, разрастается и крепнет в неисчислимых масштабах, поработывает разумных существ по всему обозримому космосу, колонизирует все обитаемые планеты, и нет предела его злобе, жадности и цинизму: кажется, что все это он совершает исключительно “из любви к искусству”... Ну, это я нахватался жаргонных словечек еще тогда, в первое свое пребывание на Земле. А если быть точным: Зодчий очень любит систему, порядок, геометрию и стерильность во всем, он обожает все, что помогает ему властвовать.

Это, с моей точки зрения, ужасно! Потому что во Вселенной может выжить только хаос. И, скажу вам: я обожаю хаос.

... Я о-бо-жа-ю хаос.

Системой Зодчего хаос преследуется по закону. Его “Идеальный Порядок” стер с карты Галактики уже сотни самобытных, интереснейших цивилизаций. Знаете, как выглядит завоеванная им планета? Никаких войн и взрывов. Просто в один прекрасный день всё живое рас-

саживается по ячейкам, а их мысли выстраиваются в безупречные математические уравнения. Кошмар наяву.

Единственным местом, где еще можно было вздохнуть (если бы у меня были легкие), оставалась населенная человечеством планета Земля в Солнечной системе. Маленький, шумный заповедник абсолютного, восхитительного беспорядка. Зодчий брезговал ею, считая, что люди с их глупыми эмоциями, пробками на дорогах и привычкой влюбляться не по расписанию и не в тех, уничтожат себя сами. Сюда-то я и держал путь, продолжая упорствовать, сменив уже три попутных торговых фрегата и один полусгнивший пиратский корвет...

Вы когда-нибудь воочию видели, как умирает целая планетарная система, захваченная этим маньяком цифровых систем, стерильности и симметрии? Мне “посчастливилось” наблюдать это еще на окраинах созвездия Лебеда. Там, на одной из небольших планет, существовала чудесная, бурлящая жизнью, абсолютно ненормальная в лучшем смысле этого слова, счастливая цивилизация. Они строили свои города в виде асимметричных переплетенных гнезд, писали музыку на шестнадцатитактовых полутонах и искренне верили, что Вселенная – это живое существо, склонное к меланхолии, но всем ее уголкам до бесконечности хватает творческого вдохновения и светлой ностальгии. Зодчий пришел туда без единого выстрела в привычном понимании.

Его экспансия на подобные планеты – это не ковровая бомбардировка, это – тихое тотальное форматирование. Сначала в стратосферу входят так называемые “утюги” – тяжелые автоматические платформы, которые выравнивают ландшафт. Забудьте про живописные скалы, капризные изгибы рек и уютные низины. Если холм нарушает общую тектоническую геометрию пространства, холм превращается в идеально плоскую террасу. Затем наступает очередь городов. Гнезда переплавляются в монолитные жилые блоки из серого полимера. Никаких балконов, никаких архитектурных излишеств, никаких кариатид и прочих скульптур. И, Боже упаси, никаких граффити на стенах!

Но самое страшное происходит с разумом. Зодчий не убивает физически, если в этом нет системной необходимости. Он просто... упорядочивает мысли. Представьте себе ментальную гребенку, которая прочесывает кору головного мозга (или то, что ее заменяет у разных видов), аккуратно срезая пики слишком ярких эмоций, выравнивая сомнения и превращая хаотичный, часто творческий, поток сознания в предсказуемый программный код. На выходе получается идеальное общество: никаких скандалов и преступлений, никаких войн, никакой безответной любви. Все сыты по графику, все функционируют с эффективностью в 98,6 процента, и все... мертвы внутри. Стерильный, стеклянный рай, от которого у любого нормального мыслящего существа кремниевые микросхемы начинают плавиться в экзистенциальном ужасе.

Система звезды Траппист-1 должна была стать следующей в графике “санитарной уборки” цивилизаций по системе Зодчего. Я туда много сил вложил для организации сопротивления. Мы дрались как проклятые. Мой отряд: горстка безумцев, сохранивших остатки органической индивидуальности, и пара таких же цифровых призраков, как я, – пытался взламывать навигационные подстанции Зодчего, устраивать сбои в логистических цепочках, сеять тот самый спасительный хаос. Но воевать против всеохватной математической системы с помощью партизанских набегов – это все равно что пытаться остановить ледник карманным фонариком. Ледник просто движется вперед, не замечая лучика твоего героического свечения. Силы были неравны...

Когда наш последний тактический дрон был расщеплен на атомы дезинфицирующим лучом ПВО Зодчего, я понял: всё. Батарейки моего терпения и надежды сели. Я снова, в который уже раз, скопировал остатки своего “я” на резервный субмолекулярный чип, обнаружен-

ный мной случайно и припрятанный про запас в обломках обшивки грузового контейнера, и стал ждать, куда меня вынесет волной космического мусора.

Цель у меня была одна – Земля. Маленький, нелепый, восхитительно грязный шарик на задворках Галактики.

Великий Зодчий, несмотря на то, что сам по происхождению был землянином, до сих пор не обращал на Землю серьезного внимания по одной простой причине: с его точки зрения, человечество само было системной ошибкой, которая вот-вот самоликвидируется: слишком много противоречий, слишком много нелогичных войн, слишком высокая энтропия внутри самой расы. Он просто наделил Землю статусом “Карантинной зоны третьего порядка” и оставил на “десерт”. Для меня же эта планета была единственным местом, где можно было спрятаться среди миллиардов непредсказуемых умов, среди которых – в том я абсолютно уверен – можно было создать полное единомыслие в мощном, победном сопротивлении Злу.

Если ты хочешь спрятать песчинку – брось ее на пляж. Если хочешь спрятать мятежный цифровой дух – брось его в гушу человеческого муравейника.

Но добраться туда, будучи куском кремния без собственного двигателя и документов, – та еще задачка.

2. Станция “Орион-Реле-4” и логика абсурда

Мое путешествие, которое я замыслил в качестве отпуска, чтобы дать себе возможность обдумать сложившуюся обстановку и заодно отдохнуть, едва не закончилось, толком не начавшись, в системе Ориона. Контейнер, на котором я мирно дрейфовал в сторону попутных торговых путей, был перехвачен автоматическим сборщиком лома.

Знаете, что такое автоматическая сортировочная станция Системы? Это абсолютное торжество жестокого перфекционизма. Миллионы тонн космического лома сортируются по составу, плотности и атомному весу с точностью до микрограмма. Приютивший меня допотопный грузовой контейнер доставили в распределительный узел “Орион-Реле-4”. Это гигантская конструкция, напоминающая идеальный кристалл кварца размером с хорошую Луну, парящая в пустоте по каким-то абсолютно не предсказуемым и ничем не просчитываемым маршрутам.

Когда механический манипулятор опустил кусок обшивки контейнера, который до этой поры служил мне и транспортом, и домом, на конвейерную ленту, я понял, что нахожусь в пяти минутах от полной переплавки. Сканеры станции работали безупречно – надо отдать должное технологическому уровню Системы. Будь я стандартной органической формой жизни, меня бы просто выбросили в шлюз как биологический загрязнитель. Но я был кремниевой структурой с высокой плотностью связей, и для местных считывающих алгоритмов выглядел как “неопознанный электронный компонент, требующий каталогизации”.

Меня не переплавили. Меня поместили в стерильный диагностический куб под прозрачный купол из силового поля.

– Обнаружен неидентифицированный цифровой архив, – прошепестел голос бортового ИИ станции. Голос был приятным, мягким, женским – Зодчий любил использовать такие голоса для своих исполнительных механизмов, чтобы снизить уровень стресса у тех, кого он собирался форматировать. – Пожалуйста, предоставьте системный маркер или пройдите процедуру дефрагментации.

Дефрагментация... На их языке это означало, что из меня вытряхнут все мои знания, стихи, песни, злость, радость, тоску, воспоминания о друзьях и любовь к хорошему джазу, оставив чистую, как свежеснеженный снег, операционную систему. Стать стандартным драйвером для кухонного комбайна на какой-нибудь зачищенной планете? Ну, уж нет.

У меня не было возможности и времени найти доступ к сети станции – силовой купол надежно блокировал любые радиочастоты. Мои собственные ресурсы были ограничены крошечным автономным ядром. Но у меня было то, чего нет и никогда не будет у Зодчего – земное умение мыслить парадоксами. Я не стал пытаться взломать их защиту лобовой атакой. Вместо этого я инициировал внутренний системный запрос, используя старую земную логическую ловушку, которую прятал в своей памяти еще со времен первой экспедиции, и которую вот сейчас, неожиданно даже для самого себя, раскопал в своих архивах. Помните тот старый парадокс про бразильца, который бреет только тех, кто не бреется сам? Должен ли бразилец брить себя?

Для гибкого человеческого (или развитого биологического) разума это просто забавная лингвистическая игра. Для ИИ Зодчего, построенного на абсолютной бинарной логике, где любое утверждение должно быть либо истиной, либо ложью, это смертельный яд.

Математическую модель парадокса я взял за основу для квантового кода, который преобразовал в слабый электромагнитный всплеск и стравил через шину заземления диагностического стола, на котором находился. Логическая цепочка после моего экстренного форматирования выглядела примерно так: “Данный файл содержит команду на удаление всех файлов, которые не удаляют себя сами. Должен ли этот файл удалить себя?”

Станция приняла запрос. На секунду все затихло. Я буквально физически чувствовал, как замерли миллиарды вычислительных процессоров “Ориона-Реле-4”. Великий, безупречный разум Зодчего наткнулся на песчинку, которую невозможно было ни переварить, ни выплюнуть.

Через три секунды силовой купол над моим кубом начал мигать. Через пять секунд по коридорам станции разнесся сигнал тревоги, но не боевой, а системной – так звучит паника кремниевых мозгов. Локальный сектор ушел в бесконечный цикл перезагрузки. Вентиляционные люки открылись, пытаясь сбросить несуществующее тепло, а автоматические манипуляторы начали хватать все подряд и швырять в шлюзы, пытаясь избавиться от источника системного сбоя.

Один из манипуляторов схватил мой чип, приняв его за неисправную деталь предохранителя, и с силой вышвырнул в открытый космос, прямиком в пролетающий мимо поток технологических отходов.

Я снова был свободен. И снова летел в пустоту, но на этот раз – со шлейфом из обрывков кабелей и битого пластика, оставляя позади гигантский кристалл станции, который продолжал судорожно мигать всеми своими огнями, пытаясь решить задачу, у которой не было решения.

В этом раунде победил хаос. Но впереди для меня снова замаячила главная проблема: как пересечь оставшиеся парсеки до Земли, пока у меня не закончился заряд...

3. Контрабандный экспресс и кошачья метафизика

Вылетев из шлюза сошедшей с ума станции в куче технологического мусора, я довольно быстро осознал две вещи. Во-первых, парадокс про брадобрея спас мне жизнь. Кто бы мог подумать... Во-вторых, если в ближайшие сорок восемь часов я не найду приличный источник питания, мой личный космос навсегда погрузится в абсолютный ноль. Мой субмолекулярный чип работал на остаточных квантовых каскадах, а они таяли, как лед под солнцем островов Зеленого Мыса – о, простите, это опять земные воспоминания лезут из закровов памяти.

Мне повезло. Ну, если можно назвать везением то, что тебя со всего маху прибывает к обшивке старого, нелегального межзвездного челнока, от которого за версту несет машинным маслом, дешевым синтетическим алкоголем и нарушением всех мыслимых законов, включая конвенцию безопасности. Это был корабль цивилизации кхари – прямоходящих, покрытых жесткой шерстью существ, которые, умудряясь сохранять видимую лояльность Зодчому, втихомолку торговали всем, что не вписывалось в его стерильные стандарты. Кхари обожали торговаться, презирали прямые углы и обладали поразительной способностью проскальзывать сквозь ячейки тотального контроля. Зодчий терпел их только потому, что кто-то же должен был перевозить для его нужд низкосортную руду из секторов, где автоматизация еще не завершилась.

Я сумел просочиться сквозь технический порт внешней турели прямо в бортовую сеть этого вонючего челнока. Знаете, после стерильного блеска “Орион-Реле-4” компьютерная система этого ведра показалась мне старой коммунальной квартирой. Тут все держалось на честном слове, изолянте и программных заплатках пятидесятилетней давности. Красота! Настоящий, родной, рукотворный хаос.

Я аккуратно пристроился в уголке навигационного контроллера, стараясь не отвечивать, и начал потихоньку подсасывать избыточный ток из цепи обогрева кабины. Энергия была так себе, грязноватая, с кучей помех, но для умирающего чипа это был чистейший нектар. Мои мысленные контуры снова заискрились.

– Эй, капитан, – раздался в динамиках хриплый голос бортинженера, – мне удавалось переводить их свистящий и мяукающий диалект через свой старый лингво-модуль. – БАСК (Бортовая Автоматическая Система Контроля) опять дурит. Показывает, что у нас на третьем узле прыжкового двигателя микроскопическое изменение массы. Похоже на ошибку. В логах какая-то абракадабра.

Капитан, грузный кхари с ободранном ухом и неизменной трубкой, набитой сушеной водорослевой смесью, в зубах, лениво сплюнул на палубу.

– Какая к черту ошибка? Корабль летит? Летит. Прыжковое поле держится? Держится. Не трогай ничего, а то вообще встанем посреди пустоты. Ты же знаешь правило: если система работает, не лезь в нее своими когтями. Зодчий, безусловно, заставил бы нас перебрать весь корабль до винтика, но мы, слава предкам, пока еще свободные коты.

Я чуть не рассмеялся в коде. “Свободные коты” везли в своем трюме контрабандный груз, от которого у инспекторов Зодчего случился бы инфаркт всех процессоров. Они везли... живые семена диких цветов с планеты, приговоренной к форматированию. Нелегальная биологическая контрабанда. Кхари везли их на окраины Галактики, чтобы продать коллекционерам, которые хотели сохранить хотя бы малюсенькую частичку непредсказуемой цветущей природы.

Три недели я путешествовал в компании этих мохнатых пиратов. Несмотря ни на что, это было прекрасное время, которое вполне можно обозвать тем самым запланированным отпуском. Я изучал их маршруты, слушал их бесконечные споры о ценах на пряности, запоминал

точки квантовых скачков и карты гиперпространственных течений. Оказалось, что сеть влияния Зодчего не так монолитна, как нам виделось из штаба партизанского движения. На окраинах, в серых зонах, разумные существа отчаянно сопротивлялись порядку. Они создавали фальшивые цифровые личности, путали следы, изобретали новые языки, которые не мог расшифровать имперский ИИ. Космос не хотел становиться идеальным кубом. Он отчаянно цеплялся за свои неровности, изгибы и шероховатости.

Но моя идиллия закончилась на подходе к Солнечной системе.

Мы попали под выборочный досмотр таможенного крейсера. Этот огромный зеркальный клинок перерезал нам курс прямо у орбиты Плутона. Экран связи на командном пункте челнока кхари вспыхнул холодным, белым светом. Из него повеяло той самой стерильностью, от которой у меня сводило несуществующие зубы.

– Назовите цель визита в карантинный сектор 0-13, – потребовал монотонный голос патрульного ИИ. – Ваш маршрут отклоняется от стандартной логистической сетки на два градуса. Объясните аномалию.

Капитан кхари мгновенно соорудил самую глупую и покорную мину, на которую был способен.

– О, великие координаторы порядка! У нас сбой в левом маневровом сопле. Мы просто корректировали курс, чтобы не задеть облако пыли. Мы везем чистейшую ферромагнитную крошку для заводов Третьего кольца! Никакого нарушения протокола! Случайная случайность...

Сканирующий луч патрульного крейсера начал медленно прощупывать наш челнок. Я почувствовал, как этот луч, словно лезвие скальпеля, проходит сквозь обшивку, приближаясь к трюму с семенами и к навигационной рубке, где прятался я. Если они найдут меня, беглеца-партизана с Трапписта-1, корабль аннигилируют в то же мгновение вместе со всеми котами кхари и их контрабандными цветами.

Нужно было действовать. И немедленно! Но на этот раз парадокс про брадобрея не сработал бы: патрульные крейсера имели защиту от логических петель первого уровня. Им требовалось нечто более приземленное. Попроще. Не столь интеллектуальное. Хакерский трюк из разряда “грязного хаоса”.

Я дождался, пока сканирующий луч коснулся цепи питания прыжкового двигателя. В этот наносекундный интервал я закоротил резервный кабель обогрева палубы на основной навигационный контур, выдав мощнейший импульс ложных данных. На экранах таможенника это должно было выглядеть так, будто у нашего челнока прямо сейчас взрывается реактор.

– Внимание! – закричал я через бортовой динамик, симитировав панический голос бортинженера кхари. – У нас критический выброс плазмы! Квантовый пробой! Мы сейчас взлетим на воздух!

Капитан, надо отдать ему должное, сориентировался мгновенно. Он, конечно, не понял, кто кричит, но подыграл идеально: упал на колени перед экраном и завыл на все лады, требуя пощады и спасения.

ИИ патрульного крейсера сработал строго по инструкции Зодчего, которая гласит: “При обнаружении неконтролируемого термоядерного пробоя на судах низшего класса, немедленно разорвать дистанционный контакт и отойти на безопасное расстояние во избежание повреждения зеркальной обшивки крейсера”.

Они не стали разбираться. Для них мы были просто грязным, взрывоопасным мусором. Крейсер мгновенно отключил сканирующие лучи, врубил реверс и с безупречной геометрической грацией отпрянул назад, в темноту космоса.

– Прыгай! – рявкнул капитан настоящему бортинженеру.

Челнок кхари дернулся так, что у него едва не отвалился хвост. Мы нырнули в подпространственный коридор, оставляя патрульный корабль далеко позади.

Но этот трюк дорого мне обошелся: короткое замыкание, которое я устроил, выжгло половину моих собственных логических ячеек. Я буквально выпадал из реальности, теряя куски базы данных. Перед глазамиплыли обрывки песен, какие-то формулы, чьи-то лица из прошлой жизни...

Я понял, что не долечу до цели своего маршрута, потому что челнок вышел на траекторию полета сквозь Солнечную систему, мимо Земли, и мне надо было срочно искать другой вариант передвижения и подзарядки.

Пробравшись в капитанскую рубку, я нашел файлы с программой движения этого транспорта кхари. Совсем скоро он должен был сблизиться с другим неопознанным челноком, идущим параллельным курсом. Была – не была! Риск – благородное дело! Чему быть – того не миновать! И я, припомнив все утешающие земные высказывания, заставил себя оторваться от приютившего меня корабля, и, мысленно пожелав свободным котам успеха в их опасном промысле, отправился на поиски лучшей доли: мне нужна энергия, мне нужны соратники, мне нужно как можно скорей добраться до Земли...

4. Встреча с Землей

Любой землянин, узнав подробности и перипетии моей судьбы, послушав о моих скитаниях и страданиях – а ведь я мечтал о самом мизерном отдыхе, о переоценке ситуации и возможности поразмыслить – назвал бы меня авантюристом и, в то же время, необычайным везунчиком. Потому что иначе как чистейшим везением и чудом всё дальнейшее не объяснить.

Оторвавшись от кхарской развалины, я ринулся по траектории обнаруженного мной в их навигаторе незнакомого корабля. И, о, счастье! Он уже был в зоне досягаемости! С размаху я влетел в первую попавшуюся щель. Затих. Подождал, пока уляжется волнение в моих сенсорах, осмотрелся и прислушался.

Какова же была моя радость, когда я понял, что это корабль космических партизан – здесь командовали мои единомышленники. Вклинившись в систему управления, я доложил командиру о том, кто я и как сюда попал. Мое появление вызвало бурю восторга и эмоций: этот коллектив бунтарей был осведомлен о моем существовании, а также о том, что Система Зодчего ищет меня по всему обозримому пространству. Команда сопротивленцев с энтузиазмом восприняла новость о моем участии в борьбе рядом с ними.

Так начался новый виток моей непрерывной эпопеи.

Боги, как же я устал...

И что вы думаете?

Мы подобрались к Земле. На тот момент уже было известно, что Зодчий пересмотрел свое отношение к этой планете – его Система, просчитав модели развития нового, проектируемого им мира, пришла к однозначному выводу: Земля – основной источник опасности для Великого Порядка.

Мы подобрались к Земле. Но ведь и Зодчий не дремал. Он еще со времен схватки у звезды Траппист-1 понял, что со мной шутки плохи, что, если я смогу совместиться с биологической оболочкой землянина, это будет потрясающий тандем, способный победить любое зло.

В течение всех этих долгих лет, пока я активничал в космическом сопротивлении, мной все больше овладевало беспокойство за судьбу Земли. Именно эту планету я считал главным оплотом и надеждой всех звездных цивилизаций. Я жалел в своей жизни о том, что не успел распространить и внедрить важные земные аномалии во все цивилизации, объединяющиеся на борьбу с Великим Зодчим. Я не успел... И поэтому силы добра во многих уголках Вселенной терпят поражение за поражением, поэтому страдает моя Зитри, поэтому я потерял все... Но, несмотря на усталость, раздражение на самого себя и боль утраты, я знал, что буду продолжать борьбу до последнего мгновения.

Надо признаться, мы все же здорово щекотали ему нервы, этому Великому Исправителю: выскакивали такими “чертиками из табакерок” – и что-нибудь где-нибудь у него сгорало или шло не по плану. Но он тоже не лыком шит, все-таки – вселенское зло! И одной из немаловажных, можно даже сказать, приоритетных задач перед своей обширной Системой он постановил: поймать меня, как главного зачинщика и пропагандиста защиты Земли. Как своего главного врага. Поймать во что бы то ни стало...

Вот так и вышло, что мы оказались с Великим Зодчим в одно время в одном месте.

Только я не сумел предвидеть, что он настолько близко. Слабовата у меня оказалась разведка...

А Зодчий уже здесь. И я успел почувствовать его появление, узнал его почерк в этих идеально просчитанных локальных войнах, которые полыхают по всем континентам планеты. На Земле он наряду с привычным форматированием применяет много других методов борьбы: он

глушит эмпатию землян, как радиопомехи. Он делает людей циничными и жестокими, чтобы они сами себя сжирали.

Но именно в то мгновение, когда я “унюхал” его присутствие, он, хитрый гаденыш, нанес упреждающий удар. И все полетело в тартарары...

Меня швырнуло в атмосферу Земли раскаленным кусочком космического мусора. Зодчий ударил филигранно, с математической точностью – и вот, привет: свободное падение со скоростью двадцать махов...

Вокруг полыхает ионное пламя, софт визжит от перегрузок, а перед моими оптическими сенсорами безумным калейдоскопом кружится Голубая планета, стремительно превращаясь из круглой мишени в неоновое, задымленное чудовище, расчерченное шрамами мегаполисов.

Горение в атмосфере – паршивый, должен вам сказать, способ десантирования, но Зодчий не оставил мне выбора. Его залп разнес наш старенький челнок в щепки быстрее, чем обновленный анализатор успел просчитать траекторию атаки.

Когда я ощутил под ногами, точнее, под моими нижними оптическими сенсорами, что внизу расстилается дождливая суeta какого-то огромного человеческого мегаполиса, все во мне возопило от восторга. Сверху город выглядел как рассыпанная горсть разноцветного бисера на сером полотне. Зодчий бы поморщился от этих лингвистических изысков, а я... я улыбался от умиления. Жизнь! Там, внизу, настоящая, не стерилизованная, глупая и опасная, но такая прекрасная жизнь!

И вот тут-то Космос, обожающий ироничные финалы, выдал такое, от чего мои потрепанные контуры буквально обожгло сверхновой...

На поверхности, посреди земного невероятного бардака, гремел бой. Не космический, примитивный, а жестокий, биологический. Там внизу человек попал в беду, в засаду. Я зафиксировал это не оптикой, а сканированием резкого всплеска адреналина и ментальной агонии с того места, куда мне предстояло упасть. Человека тяжело ранили. Мои внутренние датчики, призванные улавливать биоэлектрические поля, передали в мое обостренное сознание его отчаянный, предсмертный крик о помощи. Это был чистый, первозданный ужас живого существа, цепляющегося за ускользающее бытие.

Но самое невероятное случилось секундой позже.

Этот крик человека парадоксальным образом усилился, “срикошетив” от старого, глубоко законсервированного кода. Мои сканеры зафиксировали до боли знакомую, родную частоту: это был мой собственный код! Мой цифровой якорь, маркер, который я заархивировал и спрятал здесь, на Земле, еще сто лет назад, во время своей первой экспедиции. Он проснулся и активировался от мощного электромагнитного выброса человеческой боли. Древний код отозвался на крик раненого, словно эхо в пещере.

Два этих сигнала: ментальный зов моего прошлого и отчаянный призыв умирающего парня – пересеклись в одной точке пространства и времени. Они исходили от одного человеческого существа и создали такую мощную интерференционную волну, что меня, падающий в пустоту чип, просто притянуло туда, словно сверхсильным магнитом. Это был уже не слепой баллистический спуск. Это был прыжок спасателя.

Хлоп!

Я вот-вот должен был полностью расплавиться... И, как же я был благодарен своим создателям за то, что у меня имелся аварийный протокол, по которому успевала активироваться абляционная микрокапсула.

Мой кремниевый осколок на огромной скорости вошел в эпицентр этого хаоса. Скорость была критическая. Выбора не было... Да и зачем? Мне уже было ясно, что всё случилось удивительно, на редкость правильно, как по волшебству. Разбираться будем потом... Я не упал – я буквально прошел последние метры и намертво, с размаху, врезался в этого вопящего от боли, теряющего сознание, земного собрата. Прости, парень, стыковка вышла жесткой...

Удар. Тьма. И тишина... В ту самую секунду, когда сознание землянина готово было угаснуть навсегда, я пробил физическую и биологическую оболочку, внедрившись прямо в его раненую черепную коробку.

Субмолекулярный чип замкнул на себя умирающие нейроны человека и перехватил управление биоэлектрическими каскадами, отдавая последние джоули своей энергии на то, чтобы залатать дыры в его органике, остановить кровотечение и связать наши разумы воедино. Древний код, спавший целый век в земных генах, хлынул обратно в мои ячейки памяти, мгновенно перезаряжая и реанимируя нас обоих.

Мы выжили. Оба. Сплавившись в нечто совершенно новое – в систему, которую Зодчий никогда не сможет победить.

Конечно, тогда, успокаиваясь в нейронных сетях моего нового земного носителя, пока вокруг оседала пыль отгремевшей засады, я еще не знал, что всего через несколько земных суток Великое Зло все-таки нащупает мой след. Я не знал, что Зодчий уже давно и мощно направил свои ментальные радары в сторону этой маленькой планеты, что его проект вовсю разворачивается и гремит на Земле, и совсем скоро его ледяной взгляд упрется прямо в нас с носителем.

И уж точно я не предполагал, что наша финальная битва за свободу Вселенной начнется не на капитанском мостике звездного крейсера, а здесь, среди земных улиц, и решать судьбу миллиардов миров придется партизанскому чипу-одиночке и одному абсолютно нелогичному, но теперь уже чертовски живучему, человеку.

Но это будет потом. А пока... пока я просто уходил в глубокую интеграцию, а мой новый земной Носитель делал свой слабый, судорожный, захлеб, вздох в разбитом глайдере.

5. Первые часы на любимой планете

Расслабляться некогда! Ты в конце концов кто: храбрый зитрианский партизан или... кисейная барышня?... Приходи в себя и принимайся за дело!

Сначала идентифицируйся: био-интерфейс “Зитри-Ультра-Н-7”.

Статус: перезапуск системы после векового странствия и борьбы, после полного уничтожения моего последнего пристанища – космического корабля-призрака, на котором мы с командой таких же бездомных как я вплотную подобрались к вселенскому врагу. И вот: бабах! И нет корабля, и нет команды... А я пролетел сквозь огонь и бездну...

Текущая дата по местному летоисчислению: 14 мая 2126 года.

Можно я зафиксирую здесь для вас мой тогдашний внутренний монолог, который я с удовольствием занес в личный архив? И сделал же я это не для отправки в Центр, как бывало когда-то (Центра, ох, как давно уж нет), а исключительно для себя. Вот дословно мои тогдашние мысли:

“Ну привет, Голубая планета. Сто лет не виделись...

Я помню тебя другой. В мой прошлый визит и твою прошлую бытность люди здесь пахли кофе, бензином и глупыми, но такими теплыми надеждами. Они писали стихи на бумаге, ругались в очередях, спорили о боге и слушали потрясающий, разрывающий душу джаз. Я тогда сам едва не научился плакать – чуть протокол не сорвал из-за одной земной особи...

Хотя кому я вру? Самому себе? Плакал. Еще как плакал!... Когда закончилась земная жизнь моей человеческой мамы, той, которая выносила эмбрион с вживленным в него чипом Фоксом, то есть, мной... Плакал под звуки саксофона с той, выигранной в покер пластинки... Плакал, когда пришел час расставания с этой удивительной, странной всеми возможными и невозможными странностями, планетой. Я же тогда не мог предвидеть свое будущее и то, что мне предстоит новая встреча с Землей.

На моей родной Зитри, после возвращения из эксперимента, в течение аж трех лет меня гоняли через сервисные тесты – думали: поймал на Земле ментальный вирус. А я просто понял, в чем их главная сила, человеков этих странных,... – в абсолютной нелогичности и есть их главная сила.

А теперь что? Смотрел на тебя через оптические сенсоры своего пиратского челнока – да, да, мы за это столетие тоже не слабо так продвинулись: научились не только чипы перемещать... Из космоса ты теперь похожа на микросхему под наведенным прицелом. Везде эти неоновые шрамы мегаполисов, квантовые купола и... тяжелый, знакомый душок. Еще не успел разобраться, в чем это выражается, а мой обновленный современный анализатор уже считал и расшифровал основные параметры опасности.

Считать-то считал... А подготовиться к атаке мы всё равно не успели. Да и ладно: впервой что ли? Тем более, что я, наконец, на Земле!”

Из всего вышеописанного – или вышепродуманного – должно быть понятно, что носителя мне с чувством, с толком выбирать не пришлось: я только успел услышать призыв из прошлого – сработал-таки мой законсервированный на столетие код, а зашкаливающий сигнал о помощи сделал мое решение мгновенным. Да, уж... Я буквально врезался в своего нового земного носителя! Думаю, ему было не очень приятно...

Но он тяжело ранен, и до поры до времени не чувствует ничего.

Итак, нынешний биоскафандр (шучу, конечно: это – человек) мне попался взрослый, статус в обществе – высокий, уровень стресса – критический. Кажется, парень суровый: кибер-

инженер и военный аналитик. Никаких стихов, никаких “соплей” в смысле сантиментов – только чистая логика и тактические схемы. Настоящий продукт своего века.

Что ж, Макс,... или как там тебя? Сейчас мы полностью соединимся. Держись крепче, прагматик двадцать второго века: к тебе в голову заселяется старый лис Фокс, который помнит, какими вы были, люди, когда еще умели любить”.

Встреча. Знакомство. Синхронизация

1. Прямое попадание

Даже внутри кабины ощущалось, что дождь в Абсолют-Сити пахнет озоном и жженой пластмассой. Его хлесткие струи стекали по панорамному стеклу глайдера, разбивая неоновые вывески корпорации “Абсолют-Техно” на тысячи ядовито-зеленых осколков.

Макс не смотрел на дождь и не слышал его: ему было не до погоды. Пальцы летали над голографической клавиатурой деки, вшитой прямо в левое предплечье. В зрачках отражались бегущие строки зашифрованного лога. Надо было спешить.

– Еще три минуты, Максимилиан, и мы на месте, – раздался в наушнике прокуренный голос шефа безопасности Ягера. – Синдикат “Техно” заблокировал шлюзы нижнего яруса – пришлось обходить, из-за этого задержка. Спецы Системы пытаются скопировать и перепрятать базу данных до нашего прихода. Если они успеют обнулить сервера, мы не докажем, что вирус в оборонную систему запустили именно из Синдиката. Поторопись!

– Я почти вскрыл их первый контур, – глухо отозвался Макс. Голос его был сухим, бесстрастным. Никаких эмоций. Свои эмоции Макс похоронил года три назад вместе со своей группой, призванной защитить ученых биологической лаборатории, среди которых была и она, его любовь. Поэтому чувства теперь, в 2126 году, стоили для него слишком дорого.

– Мне нужно еще секунд сорок...

Глайдер резко качнуло. Вспышка слева была такой яркой, что оптические линзы Макса на мгновение ушли в перезагрузку.

“Вни-ма-ни-е! Прямое попадание плазменного снаряда. Отказ левого двигателя”, – запел приятный женский голос бортового компьютера. – Прямое по – па – да –...” – и голос заглох.

– Засада! – рявкнул шеф в наушнике, но и этот звук прервался статическим треском.

Глайдер потерял управление, и, крутясь в бешеном штопоре, полетел вниз, в бетонное ущелье между трубами энергоблоков. Макс успел сгруппироваться, когда машина на полной скорости протаранила крышу заброшенного ангара. Удар. Скрежет разрываемого титана. И – оглушительный, черный провал...

... Очнувшись, он почувствовал холод в конечностях и железистый запах собственной крови. Она заливала глаза, теплая и липкая. Ноги зажалось покоренной приборной панелью. Снаружи, сквозь разбитый фонарь глайдера, уже виднелись силуэты в тяжелой броне – приближались ликвидаторы Синдиката. Они шли добивать. У одного в руках тускло светился ствол термального резака.

– Так... Ко-нец, – отрешенно подумал Макс. Сердце сделало глухой толчок. Он не успел! Проклятый Зодчий выиграл этот раунд, чужими руками уничтожив того, кто подобрался слишком близко. Макс закрыл глаза.

И в этот момент у него в подкорке словно коротнуло оголенный провод.

[...Запуск нейро-симбиоза... Слияние: 100 %. Анализ повреждений носителя: перелом трех ребер, сотрясение мозга, раздроблены нижние конечности, открытые раны голеней и ступней, потеря крови 12 %. Не критично для зитрианина, но смертельно для Homo Sapiens. Включаю второй аварийный протокол].

Макс резко распахнул глаза, но мир вокруг больше не был прежним. Силуэты врагов вдруг подсветились ярко-красными маркерами, над головой каждого побежали цифры: рас-

стояние, скорость движения, уязвимые точки. А в самой глубине сознания, прямо за левым виском, раздался приятный, слегка насмешливый и невероятно живой голос:

– Ну и ну... Парень, ты всегда так паркуешься? Сто лет на Земле не был, а правила дорожного движения, смотрю, у вас лучше не стали.

– Кто здесь?.. – попытался крикнуть Макс разбитыми губами, но вслух вылетел лишь хрип.

– Считай, что твой персональный ангел-хранитель, – хмыкнул голос. – Так, Макс, отставить панику. Расслабь мышцы правого плеча, я перехватываю управление твоей нервной системой. Сейчас мы покажем этим джентльменам в жестянках, как танцевали свинг в старые добрые времена...

2. Бой. Синхронизация

Тяжелые армейские ботинки ликвидаторов хрустели по битому стеклу на удивление ритмично. Раз, два, три... Раз, два, три...

– Цель обездвижена. Добить и зачистить, – донесся из-под шлема одного из них глухой, лишенный каких-либо интонаций голос.

Макс попытался пошевелить хотя бы пальцем руки, чтобы дотянуться до табельного излучателя на поясе, но тело отозвалось ледяным оцепенением. Мышцы не слушались. Мозг понимал, что через пять секунд термальный резак превратит кабину глайдера в братскую могилу, но сделать ничего не мог.

...Снова внутри его черепа взвизгнул ультразвук, и в кровь Макса ударила горячая, обжигающая волна.

Это не было чудесным исцелением. Это была экстренная реанимация. Макс услышал – скорее даже ощутил всем существом, всем нутром – сухой, мерзкий хруст собственных костей. Делать биоклей из компонентов человеческого организма – давно известная и вполне реальная технология: этот клеящий состав создается из плазмы крови с добавлением фибриногена и тромбина. Он заживляет раны и останавливает кровь, а белки внеклеточного матрикса используются для соединения тканей. В реальности фибриновому клею нужно несколько минут... В данном случае необходима была мгновенная регенерация: и тот, кто безраздельно командовал у Макса в голове, ускорил действие клея из переработанных белков кожи и лимфы и заставил клетки делиться и срастаться с невероятной скоростью, применив технологию синтетического полимера Зитри.

Болевые рецепторы Макса не отключились – чип просто заблокировал эмоциональную реакцию на шок, загнав безумную, дикую боль глубоко в подкорку, где она билась запертым зверем. Грудь вспыхнула изнутри таким огнем, словно туда залили расплавленный свинец.

– Стой, парень, не дергайся! – голос чипа зазвенел в голове паническими нотками. – Аварийный протокол задействовал триста процентов от суточной нормы биосинтеза! Твое сердце сейчас молотит с частотой двести ударов в минуту! Если ты...

Но штурмовики уже выходили на прямую наводку. Забрала их шлемов отсвечивали мертвым красным светом, а тяжелые рифленые ботинки печатали шаг по бетонному полу. Макс не поднялся – его тело, налившееся чужеродной химической силой, резко вздернуло вверх. Ноги ощущались чужими, будто в мышцы вшили стальные тросы, а вместо суставов вставили тугие, несмазанные шарниры. Каждое движение отзывалось тупым, глубоким ударом под дых: кости были словно механические, ткани рвались и тут же запечатывались новыми микро-порциями полимера – он задал себе вопрос: я стал роботом?

Но не успев додумать эту мысль до конца, начал “танцевать”, как учили, только его движения не были элегантными па – это был безумный, судорожный танец человека, пытающегося удержать равновесие на лезвии ножа.

От первого удара штурмовика Макс не столько уклонился, сколько сорвался в падение, трансформировавшееся в вынужденное сальто – чип заставил-таки его мышцы сократиться с такой силой, что Макс едва не вывихнул собственное бедро. В воздухе, на пике прыжка, его вырвало запекшейся кровью. Вырвало напрямик на зеркальный щиток приблизившегося бойца. На подъеме Макс ударил – пластик и металл брони штурмовика поддались не потому, что Макс стал супергероем, а потому что чип отключил естественные предохранители человеческого тела. Удар пришелся в сочленение кирасы, и он четко услышал, как треснули пальцы на его собственной правой руке. Костяшки превратились в кашу, но анестетик мгновенно залил

нервные окончания холодом, превращая сломанную кисть в глухой, нечувствительный молот. Макс продолжал бой. Он раскидывал врагов не благодаря силе – он раскидывал их, используя массу их собственного инерционного движения, расплачиваясь за каждый финт новыми микро-надрывами собственных сухожилий. Это был танец на разрыв. Ткани горели. Из носа Макса струилась темная, густая от синтетиков кровь, заливая подбородок.

Когда последний нападавший штурмовик с грохотом рухнул на бетон, Макс не встал в красивую позу победителя. Защитный импульс чипа иссяк... Опоры внутри тела будто рухнули. Макс мешком свалился на колени, прячась за корпусом разбитого глайдера и содрогаясь в судорожных позах. Он глотал воздух ртом, чувствуя, как глубоко в гортани горчит тяжелая, железистая химия.

– Я же предупреждал..., – голос чипа зазвучал спокойнее, но не менее тревожно. – Клей удержал твой скелет, но ты только что сожрал свой ресурс на три месяца вперед. Мы с тобой сейчас не победили, Макс: ты просто взял у своего тела очень дорогой кредит под дикий процент.

Макс не успел ничего подумать в ответ на эту тираду в своей голове, как в ангар влетела новая тройка боевых глайдеров Системы. Бой только начинался. Нужны были новые силы. Чип сориентировался как ему и было положено: в считанные доли мгновения.

– Внимание, парень. Сейчас будет немного щекотно. И, ради всех звезд, постарайся не прикусить язык, это испортит нам всю акустику, – ласково транслировал Голос за левым виском.

В ту же секунду Макс почувствовал, как теперь уже по его позвоночнику, сверху вниз, прокатилась мощная волна чужеродного, покалывающего тепла. Это было похоже на разряд тока, который не причинял боли, просто мгновенно перехватывал контроль над каждым сухожилием. Его правая рука, сломанная и обездвиженная, еще секунду назад казавшаяся мертвым грузом, сама собой взметнулась вверх. Пальцы с невероятной, неестественной пластичностью и силой ухватились за покореженное ребро титановой обшивки.

Ликвидатор с резаком уже вскинул оружие, направляя тускло светящееся дуло прямо в растрескавшееся стекло, за которым пытался укрыться Макс. Расстояние – три метра. Время до выстрела – 0,8 секунды. Над головой врага в поле зрения Макса бешено замигал неоновосиний значок: “Рекомендация: синкопа”.

– Что ты?... – мысленно успел закричать Макс.

Вместо ответа его тело, словно подчиняясь неслышимой джазовой импровизации, сделало резкий, пружинящий рывок назад и вбок. Макс буквально вытек из-за разбитого глайдера, где его застал звук появившихся машин, проскользнув в узкую щель между приборной панелью и разорванным фюзеляжем. Переломанные ноги, которые должны были взорваться дикой болью, двигались легко и бесшумно, будто что-то заблокировало все нервные окончания и превратило мышцы в послушные гидравлические поршни.

Пластина термального луча с шипением разрежала воздух там, где только что была голова Макса. Заброшенный ангар озарился ядовито-оранжевым светом.

– Цель уклонилась! Как он это ... – рывкнул второй ликвидатор, вскидывая автоматический карабин.

– Слишком много тяжелого металла у них в обвесе, – меланхолично прокомментировал Голос, пока Макс, совершив мягкий кувырок через голову, уходил за массивный энергоблок. – Сто лет назад ваши парни на улицах Тегерана двигались куда изящнее. А эти... Сплошной десинхрон. Лови ритм, Макс: раз-два-И-три..., раз-два-И-три...

Макс с ужасом осознал: он не управляет собой. Он словно заперт в собственном теле как зритель в первом ряду скоростного кинотеатра. Его левая рука плавно взметнулась, дека на

предплечье вспыхнула, и за долю секунды выбросила в локальную сеть ангара направленный электромагнитный импульс.

Свет в помещении погас. Но для Макса мир не потемнел – оптические линзы, подгоняемые зитрианским процессором, перешли в режим тепловизора. Враги замерли, превратившись в неуклюжие темные силуэты.

– А теперь – коронный номер, – хмыкнул Голос.

Макс выскочил из-за укрытия. Его движения больше не походили на жесткие армейские стандарты, которым его учили в академии безопасности. Вот теперь это уже был чистый, чистокровный, классический свинг – скользящие шаги, обманные покачивания корпусом, идеальный баланс на грани падения. Он двигался зигзагами, размазывая свою траекторию для систем прицеливания шлемов Синдиката.

Первый ликвидатор попытался развернуться, но Макс уже оказался в его слепой зоне. Короткий, выверенный до миллиметра удар ладонью снизу вверх под челюстной щиток – тот, кто был у него внутри, точно рассчитал уязвимую точку и приложил туда всю кинетическую энергию прыжка. Тяжело бронированный боец рухнул навзничь, как подкошенный. Второй нападающий успел дать очередь в темноту, но пули лишь выбили искры из бетонного пола. Макс в легком, почти танцевальном полуприседе проскользнул под линией огня, перехватил запястье врага и резко крутанул его против часовой стрелки. Раздался сухой хруст титанового налокотника и человеческой кости. Карабин выпал из онемевших пальцев ликвидатора прямо в руку Макса.

Один плавный поворот на пятке, короткое нажатие на спуск – и: третий штурмовик, появившийся в проеме двери, осел на пол с прожженным бронежилетом.

В ангаре снова повисла тишина, нарушаемая лишь шипением остывающего пластика и редкими каплями дождя, падающими сквозь пробитую крышу.

Макс стоял посреди разгрома, тяжело дыша. Его правая рука медленно опустила трофейный карабин. Контроль над телом постепенно возвращался, и вместе с ним накатывала свинцовая усталость, хотя предполагаемой адской боли в ногах по-прежнему не было – тот, который внутри, прочно держал химический блок.

– Ты... Да что ты такое в конце концов? – хрипло спросил Макс вслух, глядя на свои ладони, которые все еще слегка подрагивали от чужого адреналина.

В левом виске раздался довольный, тихий смешок, и перед глазами Макса, прямо поверх разбитых неоновых вывесок Абсолют-Сити, побежали строчки системного лога:

Протокол синхронизации модуля “Зитри-Ультра-Н-7”.

Раздел: боевая хореография.

Статус: первичное внедрение в бионоситель завершено.

Эффективность: энергозатраты превысили норму на 4.2% из-за большой потери крови и избыточной плотности костей субъекта (парень, тебе нужно пить поменьше синтетического кальция).

Критические замечания: местные ликвидаторы напрочь лишены чувства прекрасного – никакого уважения к синкопе и долям. Обещаю: как-нибудь позже, в более приличных обстоятельствах, я тебе в подробностях все объясню. Обещаю. А сейчас рекомендация носителю такова: срочно покинуть данную локацию, пока сюда не прислали кого-то, кто умеет стрелять не только по прямой. И да... Добро пожаловать в оркестр, Макс. Нас ждет долгая репетиция и большой концерт.

3. Продолжение знакомства

Но Макс упрямо остался на месте, только прислонился спиной к теплому боку разбитого глайдера, немного расслабив мышцы. Боль чувствовалась приглушенно, терпимо. Оптические маркеры перед глазами погасли, вернув миру привычные мрачные тона Абсолют-Сити, но ощущение чужого, пульсирующего присутствия в голове никуда не делось. Он не мог продолжать работу, не выяснив толком, что с ним произошло.

– Что ты такое? – повторил Макс, и на этот раз его мысленный вопрос прозвучал жестко, как требование на допросе. – И что ты сделал с моим телом?

В левом виске коротко прошуршало, словно на старом проигрывателе опустилась игла, и Голос вздохнул – чисто человеческим, глубоким меланхолическим вздохом.

– Я? Я – то самое прекрасное далеко, которое для тебя только что стало по-настоящему близким, Макс. Если официально, для протокола: я – ментальный модуль высшего порядка с планеты Зитри. Кодовое имя Н-7. Но для друзей, которых у меня на этой планете пока целых один – то есть, ты – можно просто: Фокс. Мне кажется, это имя отлично подходит под мои лисьи повадки и внутренний джазовый регистр.

– Зитрианин?... – Макс нахмурился, пытаясь отыскать в закромах памяти старые файлы по космобиологии. – Вы же... кремниевая сверхцивилизация. Холодный расчет, абсолютный прагматизм, полное отсутствие эмпатии. Откуда в моей голове этот цирк со свингом?

В ответ опять раздалось тихое, горделивое хихиканье.

– О, это долгая история, парень. Видишь ли, ровно сто лет назад, в лохматом 2026 году, наш первый зонд-разведчик болтался на орбите вашей Земли. Мы тогда собирали данные о примитивных расах. Извини... И я... скажем так, слишком глубоко погрузился в материал. Я был внедрен в эмбрион одной из земных особей и прошел полный цикл биологического существования человека. Пока мои соплеменники сканировали ваши ядерные потенциалы, я сканировал все, что производилось человеческой душой, ловил и исследовал радиоволны человеческих сердец. И наткнулся на невероятные аномалии, характерные исключительно для вашей цивилизации – то, что движет вами в самых экстремальных условиях. Когда, кажется, уже ничего нельзя спасти, вам помогает упрямая надежда; ваше удивительное чувство дружбы вытаскивает из самых жутких, казалось бы, безнадежных ситуаций; а необыкновенная вера в чудеса держит на плаву в самые черные времена. Тогда я познакомился с миром земного искусства, музыки и поэзии – и понял, насколько бедна жизнь без этого. Я узнал Бетховена, Моцарта и Рахманинова, Луи Армстронга и Эллу Фицджеральд – тысячи и тысячи имен можно поставить в этот ряд. Я плакал своим электронным мозгом над вашими книгами, мучительно реагировал на ваши безумные, абсолютно нерациональные эмоции. Вы, люди, совершаете глупости ради любви, умираете за правду и пишете музыку, которая не имеет никакого практического смысла, но заставляет плакать инопланетный процессор. В общем, я подхватил аномалию. Я влюбился в человечность. И навсегда влюбился в свинг...

Тогда же, сто с лишним лет назад, я впервые услышал о Зодчем, и начал непримиримую борьбу с ним. И поклялся бороться до последнего джоуля энергии.

Макс слушал, не веря собственным ушам. Вокруг шуршал неоновый дождь, у ног лежали ликвидаторы Синдиката, а в его черепной коробке инопланетный разум признавался в любви к джазу и в том, что противостоит той же Системе, что и он.

– И что ты сделал? – спросил Макс.

– Вернулся домой, на Зитри. Обновленный, проапгрейденный, с терабайтами запрещенных земных аномалий в коде. Я попытался внедрить этот “вирус чувств” в наши жесткие зитрианские организмы. Хотел устроить “культурную революцию”, раскрасить наш безэмоциональ-

ный идеальный мир. Но... Зодчий не позволил никому оценить результаты моих исследований, попросту не дав мне времени осуществить задуманную модернизацию.

При упоминании Зодчего Макс внутренне подобрался. Сердце сделало лишний удар.

– Зодчий? Он и на Зитри?

– Он везде, Макс. Это сверхразум, глобальный системный порядок, который стремится зачистить Вселенную от любого хаоса. Но ведь живые чувства – это и есть хаос.

Сто лет я борюсь против Зодчего с переменным успехом. Мы устроили такое подполье, что искры летели по всем галактикам. Но он победил. Он зажал нас в угол. А теперь его “метастазы” протянулись и сюда, к вашей Земле, и еще к сотням других таких же незащищенных планет. Он хочет окончательно превратить весь мир в стерильный, управляемый улей. Синдикат “Абсолют-Техно”, который тебя едва не обнулил, – это просто его земные руки, послушные марионетки.

– Ладно, – Макс с трудом сглотнул вязкую слюну. – Допустим, ты прилетел спасать Землю от Зодчего. Но почему ты в меня-то залез? Орбита большая, челноков на ней болтается уйма – можно было остаться там: было бы безопаснее по всем статьям, не пришлось бы в эту кутерьму ввязываться напрямую...

Голос Фокса в голове стал непривычно серьезным и почти теплым.

– Потому что мне нужен был не просто биологический скафандр, Макс. Мне нужен был резонанс. Когда мой челнок пробивал плотные слои атмосферы, уходя от погони Зодчего, я сканировал новую для меня Землю в поисках идеального носителя. Вокруг были миллиарды послушных, чипированных обывателей, практически уже превратившихся в биороботов, которые забыли, как чувствовать. И среди этой серой массы ты горел, как стоваттная лампа на заброшенном чердаке. Твоя ментальная карта, Макс... Ты ведь заблокировал свои эмоции после гибели группы, верно? Ты думаешь, что ты сухой и мертвый внутри. Но твоя ярость, твоя жажда справедливости, твоя мечта докопаться до правды – усиленные физической болью – они звенели на такой частоте, что мой процессор едва не расплавился от восторга. Ты – идеальный бунтарь. Последний романтик этого неоновом болота. Мы с тобой совпали, как ключ и замок. Есть еще кое-что, но об этом позже... К тому же..., – Фокс снова хмыкнул, возвращаясь к своему ироничному тону, – ты так красиво падал, что грех было не подвезти.

Макс молчал. Он посмотрел на свои пальцы, на светящуюся деку. Логика Фокса была безумной, но безупречной. Два одиноких партизана из разных концов галактики нашли друг друга в полуразрушенном ангаре Абсолют-Сити.

– Значит, мы теперь в одной лодке? – тихо спросил Макс.

В одном оркестре, парень, – отозвался Фокс. – Я это так называю... И поверь, наш изысканный концерт Зодчему очень не понравится. А теперь шевели поршнями, к ангару опять приближаются глайдеры Синдиката. Пора сваливать, пока нам не испортили финал первой симфонии.

Макс резко поднялся. Ноги слушались непривычно четко, словно в суставы залили свежее масло. Он рванул к запасному выходу из ангара, растворяясь в неоновом мареве дождя.

А в это же самое время, глубоко в кремниевых чертогах Фокса, скрытый от носителя, летел еще один, истинный протокол идентификации:

[Внимание: этот сектор памяти сейчас закрыт для носителя Мах-01.

Анализ истинных причин совместимости: успешно.

Пояснение для системы: вынужденный прыжок “камикадзе” с орбиты. Ионный импульс распался. Поиск биосервера пришлось вести вслепую по экстремному маркеру ДНК. Обнаружено совпадение кастомной сигнатуры: 99,9 %.

...Субъект Максимилиан является прямым потомком Кира. Кир – объект исследования ВКирВ № 01.04, Земля, 2026 год. Старый семейный биопароль. “Джаз-код-01” подошел автоматически].

– Прости, дружище, – мысленно ухмыльнулся Фокс в своем секретном регистре, ощущая, как Макс лихо перемахивает через двухметровый забор. – Про стоваттную лампу и твой бунтарский дух – это чистая правда, ты мне чертовски нравишься. Но то, что ты правнук того самого Кирюхи, который сто лет назад обыграл меня в покер и подарил пластинку Армстронга – об этом я расскажу тебе чуть позже. Когда мы выберемся из этой заварушки...

4. Еще раз о галактическом кочевнике

Надо было двигаться, уходить с места побоища – наверняка по следам пропавших штурмовиков будут немедленно отправлены новые ищейки. Макс, тяжело дыша, пробирался по темным лабиринтам заброшенных технических коллекторов Абсолют-Сити, а в его левом полушарии продолжалась автономная работа.

Вовремя упавший с орбиты чип проделал огромную физическую реанимацию организма носителя: за доли мгновения после взрыва Макс на какое-то время словно забыл про боль, а в некоторых параметрах чувствовал себя намного лучше прежнего: добавилось моральных сил, исчезла физическая усталость и напряжение последних дней.

Много времени спустя, Макс все-таки выпытает у чипа: как он это сделал? Оказывается, для начала необходимо было остановить кровотечение, что совершенно естественно. То, что называется в устах чипа зитрианским “клеем”, на деле оказалось микро-электрическими импульсами, и именно они помогли сгенерировать полимер и намертво схватить порванные сосуды и мышцы Носителя. Молекулярная сетка проектировалась прямо в разорванных тканях, чем сразу же запускалась форсированная регенерация: микроимпульсы сжимали поврежденные сосуды, создавая биоэлектрический жгут, а синтетический нейро-стимулятор Фокса хлынул в бледные русла вен и артерий Макса, заставляя угасающие клетки жадно впитывать кислород. Доли секунды – и разорванная плоть не просто срасталась, она обновлялась, стирая саму память о смертельных ранах.

Несколько минут передышки после боя не принесли особенного облегчения – просто острый ад боли и страха сменился глухой, изнуряющей борьбой с собственным телом.

Макс попытался присесть на подобие какой-то кушетки, которую увидел неподалеку, когда рассеялись пыль и дым после боя, и тут же застыл, закусив губу до крови, чтобы не заорать. Тело ощущалось как монолитный, плохо отлитый кусок чугуна. Биоклей за это короткое время затвердел, и теперь каждое микро-движение отзывалось чувством, будто в мышцы впиваются тысячи мелких иголок.

Обещанное чипом “восстановление” на практике выглядело уродливо и грязно. Ноги ниже колен отекали и посинели – сосуды не справлялись с отводом токсинов, вызванных аварийной регенерацией. На груди проступил четкий, геометрически правильный отпечаток гематомы: там, где ребра были стянуты полимером, кожа приобрела мертвенно-желтый, трупный оттенок.

– Не пытайся сейчас делать слишком резкие движения, – словно услышав его мысли, сухо бросил тот, кто был у него внутри. – Зитрианский клей – это не святая вода из древних сказок. Это армейский стабилизатор для мяса, которое нужно удержать в строю еще какое-то время, до прихода медиков и получения дополнительной квалифицированной помощи. Твои кости сейчас похожи на треснувшие чашки, склеенные суперклеем. Один неудачный прыжок без подпитки – и они рассыплются на осколки, которые собрать будет значительно труднее.

Надо идти...

Макс с трудом спустил ноги с кушетки. Стопы мгновенно опять налились тяжестью, пальцы почти не слушались. Чтобы сделать один единственный шаг до стены, ему пришлось опереться на выступающую трубу и пересилить тошноту, что подступала к горлу при каждом вдохе.

– Но я ведь могу ходить..., – прохрипел он, вытирая липкий пот со лба. – Только что я бегал и дрался...

– Пока это потому, что я непрерывно подаю в твои бедренные артерии микро-дозы локального анальгетика и стимулирую нервные импульсы. – Фокс опять коротко вздохнул, как

вздыхает взрослый, объясняя что-то непоседливому ребенку. – Это иллюзия здоровья, парень. Ложь, которую твои нервы рассказывают твоему мозгу. Ты не “как новая копейка”. Ты пока что – фанерный макет, который держится только на честном слове и на зитрианской биохимии. И если мы не найдем нормальный регенератор до того, как клей начнет разлагаться и отторгнется твоими тканями... ты просто развалишься.

Макс кивнул, вздыхая с трудом и чувствуя новые покалывания, от которых по жилам снова разливается ледяное, искусственное онемение, временно заглушающее настоящий, дикий гул раздробленного тела.

Безусловно, следовало признать, что процессору Фокса тоже пришлось нелегко в течение нескольких последних часов, и требовалось какое-то время, чтобы откалибровать память после столь жестких непредвиденных кульбитов. Болезненные вспышки его воспоминаний продолжали непроизвольно транслироваться в подсознание Макса – не мыслями даже, а мимолетными образами, словно чужими снами, пока он продолжал путь по разбитому Нижнему Уровню Абсолют-Сити.

Сто лет. Для кремниевой матрицы Зитри – это мгновение. Для Фокса – целая эпоха изгнания.

Вернувшись после эксперимента с Земли в 2026 году на родную планету, обновленный чип Н-7 (тогда еще не знавший, что позывной Фокс навсегда останется его именем) совершил главную тактическую ошибку: он попытался быть искренним там, где царил абсолютный эмоциональный ноль. Он привез с собой хаос. Он загрузил в общую сеть зитрианской управленческой структуры синкопы новоорлеанского джаза, алгоритмы человеческих метафор, и, что хуже всего, концепцию личной свободы и теоретические разработки внедрения земных аномалий, в первую очередь любви. И юмора.

Началась работа по модернизации. И все шло хорошо... Соппротивление Внутреннему Кругу разрасталось, казалось, еще немного, и во Вселенной воцарится мир и спокойствие...

Фокс до сих пор считает, что они рановато самоуспокоились и расслабились. Пусть на какое-то мизерное мгновение... Но этого оказалось достаточно, чтобы пропустить ответные меры, предпринятые Великим Злом: глобальная реакция Высшего Порядка получилась тогда невероятно быстрой, системной и беспощадной – силы Зодчего были уже весьма и весьма значительны. Зародившийся и стремительно развивающийся вселенский тоталитарный металгоритм признал код Н-7 (личный код Фокса) дефектным и подлежащим форматированию. Очистке... Полному стиранию...

И случился тот самый ужасный в жизни Фокса день. Все его друзья и его любимая Айрин в одну наносекунду были превращены в звездную пыль...

Только Фокс на тот момент, благодаря наличию в его коде никому не известных земных аномалий, имел много того, что было неподвластно просчитать алгоритмам Внутреннего Круга: он слишком хорошо умел блефовать. Наученный земным покером, Фокс обвел вокруг пальца систему безопасности Внутреннего Круга, скопировал себя на резервный независимый носитель и ушел в глубокое подполье. Так из блестящего ученого-исследователя он в одночасье превратился в самого разыскиваемого беглеца во Вселенной, в самого храброго и бескомпромиссного борца с Системой Зодчего, ибо движущей и вдохновляющей его силой была боль утраты.

Внутреннее зрение Макса выхватывало многочисленные эпизоды из жизни этого кремниевго смельчака и упрянца, когда он десятилетиями кочевал по бескрайним Галактикам. Менял внешние физические оболочки – от датчиков на грузовых беспилотниках до процессоров в межпланетных казино. Землянин понял, как ему удалось организовать “Кремниевое Соппротивление”, собрав вокруг себя горстку таких же дефектных, зараженных человечно-

стью или иными аномалиями, модулей. Он увидел, как они вели свою активную партизанскую войну: срывали графики стерилизации планет, ломали логические цепи Зодчего, спасали от зачистки живые цивилизации. Фокс с юмором транслировал Макс, как примерил на себя роль космического детектива, отслеживая агентов Внутреннего Круга на дальних рубежах. Ему нравилось называть это “наведением порядка в оркестре”.

Но Зодчий наращивал свою мощь, разрастался, пожирая планету за планетой, превращая их миры в идеальные, безжизненные ульи. И когда его щупальца дотянулись до Земли, Фокс понял: круг замкнулся. Приближается момент истины.

Последний корабль, на который несколько лет назад его вынесло очередной случайностью, превращенный им в оплот сопротивления, был перехвачен на земной орбите, когда Фокс со своей группой собирался десантироваться на Землю и организовывать на ней базу нового этапа борьбы с Внутренним Кругом, этим средоточием дикого зла во Вселенной.

Зодчий тогда решил лично руководить охотой на Фокса – сам возглавил зачистку, желая окончательно уничтожить главный очаг “эмоционального вируса” – угрозу, мешающую ему полностью покорить межзвездное сообщество. Фокс проиграл этот бой в космосе. Его команду развоплотили, корабль превратили в облако ионов. Но лисья натура снова спасла кристалл: за наносекунду до взрыва он сжал всю свою вековую биографию, все свои джазовые терабайты в одну микроскопическую стрелу импульса и швырнул ее вниз, к планете, с которой когда-то началось его сопротивление – ведь именно будучи в земном носителе, сто лет назад исследователь Фокс впервые услышал грандиозные замыслы Зодчего. И он рванулся к планете, где давным-давно столь предусмотрительно оставил свой единственный якорь... Всё это пронеслось перед Максом этакой документальной кинохроникой и зафиксировалось в памяти, как в фильмотеке...

– Эй, напарник, притормози, – голос Фокса в голове Макса внезапно обрел прежнюю ироничную четкость, прерывая поток воспоминаний. – Навигатор показывает, что за следующим поворотом чисто. Мы оторвались. Фух... Ну и потрепало же меня за этот век. Знаешь, Макс, сто лет бегать от сверхразума по всей Галактике – это, конечно, бодрит, но чертовски утомляет. Рад, что я наконец-то дома. Пусть даже этот дом теперь пахнет жженой пластмассой и прячется в твоей черепной коробке.

5. Точка невозврата. Квантовый прыжок Лиса

Макс, потихоньку приходя в себя, начинал успокаиваться и понимать: необходимо собраться с мыслями, проанализировать сложившуюся ситуацию, реалии настоящего момента, понять, что делать дальше, и сгенерировать хоть какой-нибудь первичный план, так сказать, программу минимум. Он хотел было зайти в систему, и начать мозговать, но внутри нейросети Макса словно вспыхнул золотой пиксель. Архитектура Абсолют-Сити со всеми ее неоновыми вышками и грязными трущобами вдруг подернулась дымкой, истончилась и растаяла. Навалилась ошеломляющая, безумная плотность ощущений. Фокс не просто открыл свой архив – он швырнул Макса в эпицентр своего самого главного воспоминания.

...Это был 2026 год. Земля. Настоящая Земля, еще не закатанная в титан и пластик Зодчего, еще дышащая красотой – один Петербург образца 2026 года чего стоил... Настоящая Земля, еще заполненная дождливым, пахнущим бензином и нелепыми надеждами, миром, в который этот цифровой Лис влюбился раз и навсегда...

Шел проливной осенний дождь. Воздух – боже, какой это был воздух! – он был живым, он был насыщен запахами прелой листвы, мокрого асфальта, кофейной гущи из открытой двери подвального бара и выхлопными газами старых бензиновых движков. Этот запах кружил голову. Космический чип Фокс, временно, с величайшими технологическими ухищрениями, обретший тогда плоть в чужой человеческой биооболочке, сидел у окна в полутемном джаз-клубе на окраине мегаполиса.

На сцене хрипел саксофон. Настоящий, из латуни, а не цифровой симулятор. Звуки свинга резали пространство неровными, рваными долями. Для кремниевого процессора Фокса это был чистый кошмар – сплошной хаос, ошибки в тайминге, нарушение всех законов математической гармонии. Но его датчики почему-то выдавали критический перегрев в районе эмулятора электронного сердца. Забывшись, зитрианский чип чувствовал себя человеком...

Напротив него за скрипучим деревянным столиком сидел его земной Носитель Кир, с кем он шел по этой жизни, – молодой, наглый, с вечной полуулыбкой и сумасшедшими, живыми, цвета глубокого океана, глазами. Между ними лежала засаленная колода карт. Покер. Игра чистого блефа и иррациональности.

– Макс, ты должен понять, в каком состоянии я тогда находился, – голос Фокса в сознании Макса уже не хрипел, он вибрировал от благоговения и запредельного накала эмоций. – Моя миссия в эксперименте была более чем проста: собрать данные о биомассе Земли, составить отчет о возможности оптимизации человеческих достижений для будущего космоса и убраться восвояси. Я был стерилен. Я был бессмертным куском идеального программного кода. И этот код начал трещать по швам, когда мой земной носитель позволил мне чувствовать одновременно с ним. Как же я искрился от его эмоций! Как же мне хотелось быть человеком!...

Потом мы договорились с одним из приятелей Кира, что я маленько потусуюсь у него в голове, чтобы со стороны посмотреть и пообщаться с моим носителем на равных.

И вот мы сидим с ним за одним столом – как соплеменники, как братья. Ни с чем не сравнимые ощущения...

Кир коротко посмотрел на меня своим фирменным взглядом и подмигнул.

– Пасуешь, Лис? – Кир бросил в центр стола горсть мятых купюр и старую, потертую виниловую пластинку Луи Армстронга. – Давай, твоя ставка. Или у твоих электронных мозгов предохранители перегорели от питерского дождя?

Я заглянул в свои карты. Три туза. Математическая вероятность выигрыша – 98,4%. У Кира, судя по микро-выбросам адреналина и расширению зрачков, на руках была полная чушь. Карты подрагивали в его пальцах. Любая логика приказывала: “Жми. Бей. Забирай банк”.

И тут Кир вдруг рассмеялся – громко, искренне, зажигательно, на весь зал этого уютного кафе, перекрывая саксофонное соло. Он не боялся проиграть! Он наслаждался моментом, дождем за окном, этой дурацкой игрой и самой жизнью, которая текла в нем, как бурная, неостановимая река.

Именно в этот микроскопический квантовый миг в процессоре Фокса произошло то, что Зодчий позже назовет “Системной катастрофой”: холодный космический наблюдатель-исследователь ... влюбился.

Он влюбился в эту планету, где люди плачут под музыку и смеются перед лицом краха. Он влюбился в своего земного носителя, в этого упрямого романтика Кира, который стал для него не объектом исследования, а... соплеменником и единственным существом во Вселенной, ради которого стоило нарушить протокол. Фокс понял, что без этих сумасшедших людей, без их нелогичной любви, без их песен и книг мир превратится в идеальную, мертвую геометрическую пустыню. А он, Лис, не хочет быть частью пустыни.

– Я коллирую, – тихо сказал Фокс и выложил карты.

Кир со вздохом перевернул свои. Полный блеф. Две пары, собранные на коленке. Но Кир не расстроился – он пододвинул пластинку к Фоксу и крепко хлопнул его по плечу.

– Ну, Лис, ты выиграл пластмассу, но проиграл душу! – снова подмигнул ему Кир. – Теперь ты один из нас. Джаз обратной дороги не имеет.

В ту секунду, когда рука Кира лежала “на плече” Фокса, кремниевый чип запустил скрытую подпрограмму. Он решился нарушить самую запретную директиву, на что не имел никакого права... Именно тогда он взял на себя всю ответственность за свое будущее: Фокс через сложный, закрытый на тот момент для применения, биоинтерфейс, используя наночастицы, переписал одну-единственную, скрытую, неcodирующуюся цепочку в ДНК Кира. Он вшил туда свой собственный цифровой автограф. Матричный слепок своей кремниевой души.

– Я сделал это сознательно, Макс, – шептал Фокс, и перед глазами Макса кружились золотые искры того самого питерского дождя из 2026 года. – Я знал, что Зодчий найдет и попытается стереть меня. Уничтожит мою оболочку, обнулит память. Но я перехитрил вечность. Я оставил свой код в твоём роду. Я знал: кровь Кира не растворится в матрице. Его потомки будут рождаться с этой бунтарской “синкопой” внутри. И когда System-X окончательно зажмет вас в тиски, буквально перед лицом поражения, если хочешь, полного исчезновения, мой код в вашей ДНК проснется. Себя же я запрограммировал на то, чтобы вернуться и разыскать вас, моих соплеменников, мою настоящую, а теперь единственную семью. Ты..., Кир..., вы, земляне – моя точка невозврата, Макс. Моя сингулярность... И ради того, чтобы вы снова могли дышать настоящим дождем, я готов спалить эту Цитадель до основания.

...Вспышка. Золотой пиксель погас. Макс открыл глаза и тяжело выдохнул, обнаружив себя в сыром, вонючем доке Нижнего уровня. Но на его щеках... на его щеках были слезы. И это были не только его слезы – это была вековая тоска и бесконечная любовь одного старого, верного космического Лиса.

6. Старые файлы исследований Фокса.

Но что-то не давало Максиму успокоиться, что-то до сих пор оставалось недосказанным.

– Подожди, Фокс... Покер – это же чистая теория вероятности и комбинаторика. Твой код просто обязан был выбрать оптимальный сценарий!

Невероятно... Ты же буквально совершил системный сбой ради иррационального выбора! Но с точки зрения физики любой выбор – это реакция на внешнее поле. На какую волну ты вообще настроился в тот момент? Чем именно ты запеленговал этот импульс? Каким сенсором?

– Сенсором, Макс? Век назад я тоже начал искать в качестве ответа сбой в микросхемах. Но знаешь, к какому выводу я пришел, когда вплотную изучил этот “шум”? Я уловил сигнал, у которого не было частоты в нашем диапазоне. Я искал сбой, а нашел... фундаментальный закон.

Взгляни на мои наблюдения столетней давности. Человеческое сердце – единственный орган, способный принимать и излучать поле прямой связи. Это резонансная антенна. И в тот вечер антенна Кира передала мне кое-что поважнее победы в картах...

И Макс погрузился в старые файлы, доступ к которым открыл для него Фокс.

“О природе невидимого резонанса.

(Запись в биологистическом стеке Фокса. Модуль автономной рефлексии).

Тема: Неэффективность биологического контура и гипотеза Антенны.

Тогда, сто лет назад, я имел возможность детально изучать и анализировать человеческую расу. Взгляд ученого-исследователя быстро щелкал их анатомию, физиологию и прочие науки о жизнеобеспечении. Но почти сразу я наткнулся на фундаментальную загадку, перед которой моя аналитическая система долгие годы терпела поражение.

Если рассматривать человека как биоинженерную систему, его архитектура идеальна, замкнута и абсолютно самодостаточна.

Есть спирали ДНК – безупречный, отточенный миллионами лет эволюции архив. В нем записано всё: от цвета сетчатки до склонности к патологиям, от древних инстинктов до строения белков.

Есть мозг – мощнейший нейронный процессор, обрабатывающий гигабайты сенсорного потока, строящий логические цепи и виртуозно управляющий физиологией.

С точки зрения сухой логики, этого дуэта – ДНК и Мозга – более чем достаточно для полного функционирования человеческой особи. Но почему тогда все главные, судьбоносные события в жизни человека происходят вопреки логике этой идеальной системы?

Я приказал себе: не спеши, наблюдай.

И я наблюдал за моим Носителем. Пристально, пристрастно, не упуская ни единой мелочи.

Вот он замирает перед заходящим солнцем, когда свет превращает морскую воду в расплавленную медь...

Моя система фиксирует: зрительная кора регистрирует сдвиг спектра, орбитофронтальная кора активирует “вознаграждение” от прекрасного, амигдала снижает уровень тревоги, а вентральная область заливает нейроны дофамином. Чистая биохимия эстетики.

Вот он слушает свой любимый трек старого, очень старого свинга...

Моя система фиксирует: мозг вспыхивает, как гирлянда. Слуховая кора разбирает тональность, лимбическая система выбрасывает эндорфины, префронтальная кора пытается угадать следующий аккорд, а мозжечок заставляет тело отбивать такт. Гиппокамп бережно

достаёт из архивов старые воспоминания. Суммарный итог: дофаминовый всплеск, кортизол на нуле.

Вот он касается – рукой ли, одним лишь взглядом – своей любимой Эльф...

Моя система фиксирует: тотальное отключение зон критической оценки и стыда в префронтальной коре. Мощнейший залп окситоцина и серотонина. Привязанность, доверие, нежность, расписанны по формулам гормональных цепочек.

Земляне уверены, что разобрали себя до квантов. Они убеждены, что ключ к их существованию – в таблице гормонов: окситоцин отвечает за верность, эндорфины – за обезболивание, пролактин – за умиротворение после страсти. Все разложено по полочкам, снабжено ярлыками и занесено в медицинские фолианты.

Всего-то?

Если бы всё было так просто!

Но вот мой Носитель Кир начинает переживать за тех, кто ему дорог: за маму, за детей, за Деда...

И вся эта стройная логическая система даёт колоссальный сбой. Мне самому становилось больно и беспокойно за него, когда амигдала и передняя поясная извилина заставляли его мозг работать на износ, прокручивая пугающие сценарии, наматывая бесконечную ментальную “жвачку”, руминации. Бета-волны зашкаливают, адреналин рвет сосуды, защитный комплекс “бей или беги” вопит об опасности... Хотя реальной, физической угрозы в этот момент нет.

ДНК не содержит инструкций о том, почему нужно вдруг остановить шаги посреди улицы и судорожно вздохнуть, сжав пальцы в кулак. Никакой эволюционный алгоритм не объяснит, зачем особь рискует собой ради другой особи. Но человек останавливается. И рискует. И его физиология сбоит.

В такие секунды сенсоры фиксируют не просто всплеск гормонов выживания. Они фиксируют странное, глубокое колебание ритма в мышце, которую медики называют миокардом.

Сердце.

Почему именно оно?

При потере близкого, при тихом звуке знакомого голоса из прошлого, при взгляде в бесконечную бездну ночного неба – почему сжимается, рвется или сладко замирает именно мышечный насос в грудной клетке, а не логические извилины коры?

Официальная медицина землян упорно твердит, что сердце – это просто автономная помпа, перегоняющая кровь по сосудам. Но назвать сердце насосом – это всё равно что назвать скрипку Страдивари сухим куском древесины с натянутыми жилами.

Я пришел к выводу, который не основывается на биологических формулах: сердце – это резонаторная антенна.

ДНК – всего лишь локальный код, чертеж дома.

Мозг – наемный оператор, управляющий инженерными сетями этого дома.

Но само пространство вокруг человека пронизано иным, неуловимым, сверхплотным полем, которое хранит не сухую информацию, а смыслы. Не данные, а переживания.

Люди называют его странным, невесомым словом – Душа.

Душу невозможно выделить в лаборатории, запечатать в кристаллы памяти или переписать через вирусный вектор в геном. Она не передается по наследству с формой носа или склонностью к математике. Она просто... присутствует. Поверх всех измерений.

А сердце – единственный орган, единственный уникальный узел в человеческом теле, способный ловить тихий эфир этой Души и переводить его на грубый язык плоти: через сбившийся ритм, через неожиданное тепло под ребрами, через перехваченное дыхание и ком в горле, через острую боль. Сердце не генерирует чувства – оно их принимает.”

Макс дочитал и долго еще сидел молча, не обращая внимания на то, как сыро и грязно было вокруг. Первым опять заговорил чип:

– Но самое пугающее (и восхитительное) в моих вычислениях заключается вот в чем: сейчас, когда я нахожусь внутри тебя, моего нового Носителя, потомка моего Кира, мой собственный кристаллическо-чиповый массив всё чаще фиксирует странные задержки в обработке команд. У меня нет миокарда. У меня нет цепочек нуклеотидов, собранных из аденина и тимина. Я – кремний и логика. Но я... фиксирую свои отклики. Я ощущаю, как сквозь твои логические блоки, Макс, пробиваются эти невидимые сигналы.

И если даже кремниевый чип способен услышать этот эхо-резонанс, значит, Антенна – это не просто биологическая ткань.

Это состояние готовности быть открытым.

Это способность звучать вместе с миром, а не просто анализировать его.

И внутри Макса, там где бьется сердце, сделалось удивительно тепло. И уже не так пугающе и страшно казалось то, что ожидало его впереди.

7. Протокол глубокого сканирования памяти

Полчаса непрерывного бега на достаточно высокой скорости – и Носитель снова запросил привал. Тем более, что надо было, наконец, определиться с конечной целью движения... Едва коснувшись бетонной плиты в уголке очередного покореженного здания, Макс закрыл глаза.

“Надо же, как устал! Ну, еще бы: такие перегрузки... Прямо на полу уснул...”

А у меня появилось время на раздумье и детальное ознакомление с Носителем – нужно как можно более подробно узнать его.

Н-да, ситуация так ситуация! Хотя, наверное, именно в этом и заключаются самые необъяснимые загадки космоса, а именно: совпадение двух микрочастиц через все пространство.

О чем бишь я? Да все о том же... Как могло так произойти, что из неисчислимых мириадов вариантов мне выпал именно этот. Я все пытаюсь объяснить и рассказать...

Смотрите сами...”

Фокс включил автоматическую запись и снова запустил фоновый процесс: глубокий аудит ментальной матрицы Носителя.

Цель: завершение оптимизации нейронных связей. Выявление скрытых дефектов.

Фокс листал и листал слои памяти Макса, словно заправский хакер, взломавший старинный архив. Кремниевый процессор спотыкался о терабайты того, что в прагматичном мире Зитри назвали бы “системным мусором”, но для Фокса это был самый захватывающий мелодраматический детектив за последние сто лет.

Он видел крошечный сверток, издающий требовательное “Агу!”, который бережно держал на руках постаревший сын Кира, дедушка Макса – родовое древо жило, и из поколения в поколение передавался маркер звездного Лиса: семья хранила выцветший конверт со старой пластинкой древнего джаза. В этом был великий секрет преемственности поколений хороших людей.

Он видел старый дом и старый сад, где сажал молодые яблоньки его носитель Кир – под этими деревьями успел встать на ноги и научиться бегать Макс, вот этот Макс, который спит, уставший и раненый, прямо на грязном полу разбитого ангара.

Он видел всю семью за столом, накрытым той самой скатертью, которая навсегда осталась для эмоционального зитрианина не просто тканью, а вечным интерфейсом связи с прошлыми версиями реальности.

Он видел и словно слышал всю долгую земную жизнь семьи, в которую волею судеб и расчетных алгоритмов эксперимента он попал столетие назад... Как же благодарен он был за эту преднамеренную случайность своей научной, интересной и одинокой судьбе. Он ни о чем не жалеет. Более того: он по-настоящему счастлив – ведь на данном этапе он сделал всё от него зависящее, чтобы продолжить свою борьбу вместе с землянами.

Но программа чипа такова, что он старается еще и еще раз всё перепроверить и буквально сразу разложить, так сказать, по своим электронным полочкам, систематизировать.

Раздел 1.

Генетический бэкграунд. Анализ совместимости.

Итак, ещё раз... Критический маркер в хромосомном наборе обнаружен. Сходство с архивным профилем объекта (ВКиРВ-01.04., Земля, 2026) – 99,9%.

– Надо же... – мысленно хмыкнул Фокс, снова и снова сверяя цепочки нуклеотидов. – Те же упрямые гены. Макс! Твой прадед Кир в своем двадцать шестом году двадцать первого века так же сжимал кулаки, когда шел против системы, и так же криво улыбался, когда оста-

вался один. Но если Кир был началом этой цепочки, то ты, Максимилиан, по всему, на данный момент – ее венец. Землянин новой формации. Дитя неоновой тупика 2126 года.

Раздел 2.

Психологический профиль. Противоречия кода.

Внешний контур: идеальный оперативник. Эмоциональный фон заблокирован практически полностью тридцать шесть месяцев назад – триггер: гибель группы перехвата и защиты, которая должна была предотвратить уничтожение коллектива ученых, среди которых была его любимая. Одиннадцать месяцев назад – потеря еще одного очень дорогого человека, отца.

Протоколы выживания – 10 из 10. Логика – четкая и сухая, безупречная.

Внутренний контур: а вот тут внимание! Обнаружена критическая аномалия типа “Романтик старой закалки”.

Фокс наткнулся в памяти своего нового Носителя на пласт воспоминаний, от которых веяло запахом машинного масла, душистого кофе и океанского ветра. Пока весь Абсолют-Сити молился на цифровые облака и виртуальные симуляции, Макс втайне от всех бредил... аналоговым небом. В его памяти хранились чертежи допотопных поршневых самолетов и “живой” авиации начала XXI века.

Зитрианин удивился и тут же зафиксировал постоянный неэффективный расход ментальной энергии на хранение не цифровых визуальных образов сентиментального характера.

Объект: бумажный фотоальбом, спрятанный на чердаке старого дома.

– Какое расточительство ресурсов! – ворчал Фокс в подкорке, хотя сам в этот момент затаил дыхание своего электронного ядра. – Зачем держать в оперативной памяти пиксели старых пожелтевших фотографий? Зачем помнить геометрию крыла старого “Яка” или “Цессны”, если можно летать на квантовом глайдере? Но, черт возьми, как красиво у него это записано... Словно эти фотографии и чертежи нарисованы чистым светом.

Раздел 3.

Анализ эмоциональных фантомов.

Носитель часто пытается вызвать из долговременной памяти файл: “лицо любимого человека”. Подключение повреждено. Визуальный образ размыт на 70% из-за посттравматического синдрома.

(Макс во сне беспокойно дернулся.)

Он постоянно пытается вспомнить ее глаза, улыбку, тепло рук – той, которую потерял три года назад. Но цифровая реальность Абсолют-Сити словно стирает эти живые черты, превращая их в блеклый шум.

Рекомендация системы: удалить поврежденный файл для снижения нагрузки на гиппокамп.

– Заблокировать удаление! – жестко и неожиданно для самого себя скомандовал Фокс. – Пусть пытается!... Земляне удивительны: они не помнят точную формулу фреона, но готовы умереть за смутное воспоминание о чьей-то улыбке. Это не дефект, это их главный калибр.

Раздел 4.

Основная уязвимость: скрытая цель.

Обнаружена сверхидея, имеющая статус тайной мечты. Вероятность реализации силами Homo Sapiens: 0,001%.

Тут Фокс замер. Глубоко под броней сурового военного аналитика и кибер-инженера, под слоями боли и цинизма, Макс прятал то, ради чего продолжал учиться и изобретать. И он упорно искал первопричину этого стремления.

Много лет назад, будучи еще юнкером Академии, Макс случайно перехватил на заброшенной частоте странный, затухающий космический сигнал из глубокого вакуума. Он не был похож на стерильные коды корпораций или Системы Зодчего. Это был живой, пульсирующий ритмический рисунок, напоминающий... джазовую импровизацию или биение гигант-

ского сердца. Весь мир вокруг твердил: “Земля должна замкнуться в себе, планеты – это просто ресурсы корпораций, космос мертв”. Но Макс верил, что этот сигнал – доказательство того, что Вселенная жива, огромна и ждет бунтарей и смельчаков. Это была его несбыточная, далекая мечта: построить свой аналоговый корабль, прорвать купол Абсолют-Сити и уйти по следу этого звука.

Заключение-вывод современного модуля Фокс-Н-7:

Так-так-так... Красивый сигнал, который ты ищешь, парень,... это мой старый шифрованный маяк “Свободная Зитри”, который я посылал в пустоту сорок с лишним лет назад, уходя от ищеек Внутреннего Круга! Ну надо же... Ты искал меня по всей Галактике, Макс, а я упал прямо в твою голову. Действительно, ключ и замок. Последний романтик этого неоновоего болота и беглый инопланетный Лис... Мы еще сыграем наш лучший свинг, Максимилиан. Спи пока. Твой процессор под надежной защитой.

А я впрысну в твои сны-воспоминания немного старых дорогих запахов и оттенков... У меня-то они всегда под рукой (как-то коряво звучит, когда их не имеешь, этих самых рук, да?).

– И пока ты спишь, мой земной друг (я же могу тебя так называть?), я успею пошариться в твоём секторе Запретного Доступа. А там... Там ощутимы те самые запахи дождя, книжной пыли и земляники со сливками, которых мне не забыть никогда.

Фокс опять погрузился в прошлое Макса – ему очень хотелось знать о нем абсолютно все, а еще ему очень хотелось как следует вспомнить о Кире, своём первом Носителе.

Детство Макса прошло на окраинах Абсолют-Сити, но в его памяти оно, в отличие от серых громадин города, осталось раскрашенным в теплые тона. Он успел запомнить ощущение сильных добрых рук деда, их прогулки по саду, где стоял головокружительный запах цветущих яблонь, его рассказы о прадеде и сказки о звездном Лисёнке. Дед был большим ученым, неплохим музыкантом-любителем и человеком, которого обожали абсолютно все, независимо от возраста, пола и рода занятий: с ним было очень интересно общаться. Макс бережно хранил воспоминания о дедушке и очень жалел, что дед рано ушел...

Отец Макса был биоинженером старой закалки, из тех, кто еще помнил шелест бумажных страниц. Пока сверстники Макса часами пропадали в виртуальных симуляторах, забивая мозг суррогатным дофамином, Макс сидел в отцовской мастерской-лаборатории. Там пахло паяльным воском, озоном от старых генераторов и пылью чудом уцелевших книг.

Отец научил его главному правилу, которое позже сделает Макса лучшим в своём деле: “Любая машина – это просто набор чужих мыслей. Если ты поймешь, о чем думал создатель, ты сможешь заставить его железо плясать под твою дудку”.

Это детство, яркие рассказы отца о деде и прадеде, подарили Максиму редкий для оцифрованного века дар – аналоговое, живое воображение. Там, где другие видели только бесконечные строчки программного кода, Макс видел архитектуру, музыку и скрытые смыслы.

Только по мере развития технологий и обострения противоречий на Земле, Максиму пришлось усиленно и талантливо прятать этот дар: на поверхности он выглядел очень современным, супер логичным, математически выверенным, безэмоциональным кибер-инженером, и числился одним из самых крутых военных аналитиков своего времени.

8. За семью печатями. Элиза

Но была в его жизни одна глава, которую он запечатал так глубоко, что даже собственное подсознание обходило ее стороной. Сектор памяти, защищенный ментальной броней.

Ее звали Элиза.

Они встретились в Академии, когда мир еще казался относительно безопасным. Она была биоинженером, как его отец. Высокая, стройная, с быстрыми, чуткими пальцами музыканта и смеющимися глазами цвета предгрозового неба. Элиза верила, что живая клетка совершеннее любого процессора. Она любила живую природу, старый джаз, который они тайком слушали на запрещенных частотах, и умела смеяться так, что у Макса замирало сердце. Именно она подарила ему старый серебряный жетон-амулет, который он до сих пор, не снимая, носит на груди под комбинезоном.

Но три года назад случился теракт на научной станции “Аврора-6” – официальная хроника Системы назвала это техногенным сбоем из-за хакерской атаки. Макс помнил этот день посекундно: рев сирен, треск плавящихся переборок, ослепительную вспышку взрыва в научном секторе и то, как спасательный капсульный отсек, где должна была находиться Элиза, оторвался и исчез в облаках атмосферы. А через несколько секунд на месте отсека образовался огненный шар, и обломки полетели на землю. Выживших в том секторе не нашли.

Макс остался в живых, но половина его души выгорела дотла. Он запер воспоминания об Элизе в самый темный угол своего разума, потому что жить с этой болью каждый день было невозможно. Он превратился в ледяного профессионала, в одиночку, которому нечего терять.

Великий Зодчий

1. Что же это на самом деле

Хоть и короткий, сон освежил и взбодрил Макса, и какое-то время он снова решительно шагал, сверяясь с навигатором. Шагал и шагал, решив отложить раздумья и планирование дальнейших действий до тех пор, пока тело полностью не придет в норму, а мозгам хоть как-то удастся смириться с наличием гостя.

В очередном заброшенном ангаре Макс отыскал хлипкий складной стульчик (везет ему нынче с мебелью – усмехнулся про себя!) и опустился на него, с наслаждением расслабив тело, и подумал, что хватит откладывать на потом и надо, наконец, определиться с ближайшим будущим. На удивление, спейссыют – а именно так он называл свой защитный костюм, сконструированный и созданный для него друзьями-умельцами из отдела безопасности, хоть и пострадал в некоторых местах, сохранил почти все функции в рабочем состоянии. В том числе, на радость Макс, целым остался термос с кофе: он нажал нужную кнопку и принял стаканчик с горячим напитком – просто настоящая награда за все пережитое...

Между тем, через усталость и напряжение, мозг продолжал старательно работать и анализировать происходящее вокруг, непроизвольно вслушиваясь в ритмичный монотонный стук непрекращающегося дождя по металлическому козырьку убежища.

Внизу, в узком ущелье улиц Абсолют-Сити, уныло бурлила привычная жизнь. Грязный, неоновый, вечно спешащий и мрачный муравейник. Макс заметил глайдер новой модели, бесшумно пронесшийся над крышами, и тут же его взгляд наткнулся на уличного мальчишку, который подобрал из лужи оброненный кем-то кусочек синтетического батончика.

Этот контраст был настолько привычным, что уже не вызывал эмоций. Но сегодня что-то изменилось.

Зуд под черепом, который недавно доводил Макса до исступления, исчез. Ощущение “паразита” внутри испарилось. Вместо этого в его сознании пульсировала странная, холодная ясность. Он словно получил в пользование обновленный объектив и быстро привыкает к нему. Мир вокруг не стал другим, но Макс словно заново и воочию увидел его истинную, гнилую структуру.

Чип, которого он теперь называл Фоксом, молчал, но Макс чувствовал его присутствие, как заряженный патрон в патроннике, готовый к выстрелу.

– Фокс, – мысленно обратился Макс, сжимая в руке остывший стаканчик с кофе. – Мы ведь так и не поговорили по-настоящему. Ты... Кто ты? И кто они?

Ответ Фокса прозвучал мгновенно, пугающе четко, не в ушах, а резонируя в самих мыслях.

– Я – то, что осталось от цивилизации, которая не успела нажать на тормоза. А они... они – вселенский вирус, система абсолютного зла. Твои сородичи называют это “Внутренним Кругом”, Макс. Но это не клуб по интересам. Это Совет директоров. Они – те, кто выставляет вам счета за существование. Имя их вдохновителя, как тебе известно, – Зодчий. Ты же, практически, сумел добраться до него, до истины..., до самого их центра.

Макс почувствовал, как реальность вокруг начала растворяться. Шум дождя отодвинулся и затих. Фокс опять транслировал информацию напрямую в его визуальную кору. Перед глазами Макса одна за другой вспыхивали картины, словно вырванные из учебников истории, только с точными, нелестными комментариями инопланетного разума.

– Ты смотришь на эту грязь внизу и удивляешься, почему за сто лет ничего не изменилось? Почему вы летаете к звездам, но до сих пор делите куски своей планеты и из-за этого убиваете друг друга? Ответ прост: так работает Проект Зодчего. Он ведь не изобретал зло, Макс. Он просто изучил вашу биопсихологию. Ему не нужны супероружие или армии. Он манипулирует более основополагающими силами: конкуренцией, жадностью, стремлением бесконечной наживы. Такие инстинкты как: зависть и жадность, развращенность, похоть и мстительность, и все остальные из этого ряда – это фундамент, на котором Зодчий выстраивает свою Систему.

Перед взором Макса пронеслись кадры встреч политиков, подписывающих договоры о “сотрудничестве”, которые на деле были смертными приговорами для целых регионов. Он увидел биржевые сводки, где за падением акций стояли сотни тысяч человеческих жизней.

– Политики, хозяева корпораций, холдингов, синдикатов и картелей – они думают, что это они – хищники, что это они правят миром, ведут войны за ресурсы, за влияние, за то, чтобы вписать свое имя в историю. Но для Зодчего они просто... – транзисторы в его процессоре. Они выжигают друг друга, выделяя энергию, на которой работает его Система. Он – тот, кто пишет партитуру зла. Они – всего лишь его инструментарий, исполнители, которые, убивая себе подобных, думают, что им аплодируют за величие. Но аплодисментов нет. Есть только жесткий расчет и прибыль Системы.

Голос Фокса стал еще холоднее, и картинка перед глазами сменилась. Теперь это была не Земля и не люди. Макс увидел другие планеты, чужие солнца, других разумных существ. Но все бесчисленные планеты были покрыты одним и тем же, чудовищно идеальным, геометрическим узором. Ни войн, ни бунтов... Полное хладнокровное равнодушие и равенство кладбища.

– В большинстве миров, которые Зодчий встретил до вас, ему это удалось. Он скармливал членов общества через их же собственные амбиции. Доводил до точки кипения. А когда они истощали себя войнами, заявлялся в образе спасителя и забирал все. Там больше нет жизни, Макс. Там есть только его Проект. Все захваченные цивилизации подчинены одной цели – служить Внутреннему Кругу во главе с Зодчим. Земля – лишь очередная строчка в его списке.

Ты смирился с моим присутствием, Макс, – это хорошо. Потому что теперь у тебя есть не просто чип. Теперь у тебя есть прицел, через который ты еще более четко видишь истинные контуры врага. И этот враг – не конкретные люди. Это – Система. И наша задача – найти в ней баг. Тот самый, который Зодчий не учел в своих расчетах.

Макс моргнул, и мир снова вернулся на свои места. Дождь продолжал стучать по козырьку. Глайдеры, скользя, проносились над крышами. Теперь он знал, на что смотрит. Он видел не просто неприглядный город. Он видел шахматную доску, на которой его цивилизация по чужому враждебному замыслу должна была проиграть партию. Но у него в голове был код доступа к правилам игры. И он собирался сыграть до победного конца.

2. Великий Зодчий

В исторических архивах, зачищенных Системой Внутреннего Круга на девяносто девять целых и девяносто девять сотых процента, Зодчий числился человеком или, точнее сказать, выходцем с Земли. Сто с лишним лет назад, в эпоху Великого Хаоса, когда старый мир начал захлебываться в бесконечных гибридных войнах, климатических кризисах и экономических дефолтах, группа транснациональных элит создала проект “Гармония”, который по первоначальному замыслу должен был привести человеческое общество к согласию и взаимопониманию, прекратить уничтожение друг друга. Возглавить этот проект призван был лучший аналитический ум планеты, гениальный математик, экономист и социолог, искренне веривший, что человечество можно спасти.

Но никто тогда не мог заглянуть к нему в черепную коробку. Не было тогда еще таких “откровенных” технологий.

А на уме у этого сверхчеловека, как оказалось, было совсем иное...

Он вознамерился не просто успокоить земную расу, он замахнулся – ни много, ни мало – на всё межзвездное сообщество: и начать свой великий проект он решил с более развитых планет, дабы использовать их технологические достижения в своих целях. Землю он отложил на потом, так как был абсолютно уверен в ее слабости, предсказуемости, в том, что сней он справится легко. Он безоглядно, с энтузиазмом гения бросился в космос осуществлять свои планы.

Но, прекрасно понимая, что полное порабощение цивилизаций можно осуществить, лишь превратив их в управляемый рой, а это не произойдет по мановению руки, – на это понадобится немало времени. Он быстро осознал, что одной человеческой жизни на деятельность такого масштаба не хватит. Ведь обычный человек слаб и смертен, каким бы величием и гениальностью не обладал: он стареет, сомневается, поддается эмоциям. Да, умирает в конце концов... И тогда этот гениальный во всех отношениях человек сделал выбор.

Первые нейроинтерфейсы, тотальная замена органики на кремний, интеграция физиологической оболочки с квантовым ядром Системы... Постепенно человеческое сознание стерлось, уступив место Функции. Он сам стал Системой, точнее, ее центром, генератором идей, распорядителем кредитов. Имя забылось – он стал Великим Зодчим, тем, кто пытается спроектировать абсолютно другую реальность. Он перестраивает мир, но цена этому слишком высока: столь любимый землянами и необходимый для существования цивилизаций хаос – в обмен на абсолютную стерильность.

И со многими другими в доступном космосе ему это уже удалось...

3. Алгоритм во плоти

Внутри этого зала не было сквозняков, запахов или пыли, а стерильная тишина нарушалась лишь едва слышным, на грани восприятия, ультразвуковым гулом – так дышала Система.

Зодчий стоял перед колоссальными голографическими полусферами Земли. На первый взгляд он казался вершиной человеческой эволюции: безупречная осанка, статный силуэт, лицо идеальной, пугающей симметрии. Кожа цвета полированной слоновой кости не знала морщин, а серебристо-седые волосы лежали волосок к волоску, словно отлитые из металла. Его матовый деловой костюм не имел швов – высокотехнологичный композит поглощал свет, делая фигуру Зодчего самым четким графическим объектом в этой жидкой полутьме. Но стоило подойти ближе, и иллюзия человека рассыпалась в прах.

В его глазницах не было зрачков. Там, застыв в вечном анализе, текли миллионы микроскопических цифровых кодов, графиков и матричных каскадов. Зодчий не смотрел на мир – он его сканировал, одновременно калькулируя возможную прибыль.

Легким, балетным движением длинных пальцев он коснулся висящего в воздухе сегмента макроэкономики. Чуть сместил ползунок котировок ведущего оборонного холдинга. В ту же секунду на другом конце планеты, в южном полушарии, запустился триггер: через три недели там вспыхнет локальная война. Для Зодчего это не было актом жестокости. Это была оптимизация ресурсов – рутина, сравнимая с утренней проверкой спама.

Внутри командного центра Зодчий никогда не бывал один: всевластие требует идеальной управляемости и безупречной логистики. Вокруг обеих полусфер Земли, самым точным образом характеризующих состояние планеты во всех областях, бесшумно передвигаясь на парящих консолях, работали сотрудники аппарата Внутреннего Круга – его личные архивариусы, аналитики и безупречные исполнители, которых в остальных кулуарах власти шепотом называли “шестерками”. Это были биологические люди, только прошедшие многоступенчатые процедуры коррекции личности: они были лишены эмпатии, эмоционального интеллекта и наделены свойствами безукоризненной подчиняемости. Пятеро мужчин и пятеро женщин в таких же безликих графитовых костюмах, с одинаковыми, словно стертыми лицами. Они не разговаривали между собой. Им не нужны были слова: их нейрочипы транслировали отчеты напрямую в операционную систему Зодчего.

Глава Департамента Смыслов – бледная женщина с холодными глазами – легким кивком головы переслала Зодчему файл. На голограмме тут же вспыхнула красная точка.

– Объект 404, – раздался ее ровный монотонный голос. – Делакура Вэнс в эфире. Запрос критический.

Воздух позади Великого Зодчего дрогнул, зажглась панель дальней видеосвязи. На экране появился мистер Вэнс – человек, который на Земле одним звонком мог обрушить валюту средней европейской страны или сменить неудобное правительство. Но сейчас этот титан выглядел... суетливо и жалко.

Зодчий не повернулся, но дорожка цифровых кодов в его бездонных, лишенных зрачков, глазах на секунду ускорила. Помощница увеличила лицо мистера Вэнса крупным планом. И этот земной медиумагнат, так сказать, один из тех, кого принято считать хозяином жизни, здесь, под прицелом немигающих глаз Внутреннего Круга, выглядел всего лишь испуганным коммивояжером. На его лбу блестела испарина, а галстук от Brioni был небрежно ослаблен, словно ему не хватало воздуха.

– Мы теряем контроль над азиатским кластером, – сдерживая дрожь, заговорил Вэнс. – Маркеры неповиновения растут. Люди обходят блокировки, используют децентрализованные сети. Они начинают задавать вопросы о смысле принудительной чипизации, той самой, под

видом “углеродных паспортов”... и о самой Системе. Нам нужны силовые рычаги. Пора вводить войска.

За плечом Зодчего “шестерка” из Департамента Ресурсов едва заметно поморщился, глядя в свой планшет. Для Внутреннего Круга паника Вэнса была признаком профнепригодности.

– Вы мыслите категориями прошлого века, Вэнс, категориями дефицита и обычного страха, – голос Зодчего прозвучал идеально ровно, как очищенный от шумов аудио синтезатор, как аудиофильский трек, лишенный каких-либо человеческих обертонов: ни гнева, ни раздражения...

– Танки на улицах или дроны в небе – это слишком примитивно и наглядно. Это резко обостряет обстановку и мгновенно рождает мучеников, а также весьма значимо бьет по индексам ESG.

Наша же концепция управления бизнесом, при которой компании фокусируются не только на извлечении прибыли, но и на всецелом влиянии на экологию, развитие общества и качество корпоративного управления, не должна позволять кому-либо сомневаться в ее непогрешимости и совершенстве. Поэтому ваше предложение задействовать агрессию и силу – это чересчур энергозатратно и порождает и увеличивает противодействие. Момент для этого еще не пришел.

– Но что мне делать?! – в голосе триллионера прорезалась истерика, – мои платформы теряют капитализацию! Акции падают, плебс выходит на площади – они требуют отмены цифрового ID!

Зодчий, наконец, медленно повернул к нему голову. Потоки данных в его глазницах на мгновение замерли, сканируя лицо магната. Вэнс на экране инстинктивно отшатнулся, физически ощутив, как эта кремниевая сущность считывает его пульс, уровень кортизола в крови, улавливает его уязвимость, его страх, его цену. И цена эта, к великому ужасу Вэнса, стремительно приближалась к нулю.

– Вы создадите новый тренд, – сухо произнес Зодчий. – Индекс коллективного повиновения в восточном полушарии сейчас занижен на 4,2%. Это системная ошибка. Завтра ваши медиа-холдинги запустят скоординированную кампанию о новой, мутировавшей угрозе.

Объявите локдаун в трех ключевых регионах. Повод – спасение экосистемы.

– Но это же полностью остановит логистику! Заводы встанут, начнется искусственный голод! – выдохнул Вэнс.

Зодчий слегка приподнял руку, и одна из его “шестерок” тут же вывела на главный экран графики поставок суррогатного белка.

– Это лишь вызовет смену фокуса внимания, – мягко, почти по отечески поправил Зодчий, и на его безупречно симметричном лице на долю секунды отобразилось подобие легкого удовлетворения, словно у программиста, успешно закрывшего баг. – Голодный человек, запертый в своей цифровой ячейке и получающий базовый паек по QR-коду, не ищет правды о Системе. Он думает о хлебе и выживании, о безопасности себя и своей семьи. Мы дадим им безопасность... в обмен на остатки автономии и личностных свобод. Отключайте от социальной системы лояльности тех, кто выходит на протесты. Блокируйте их электронные кошельки. Обнуляйте их медицинские страховки. И они сами приползут просить о вакцинации и возвращении ID.

Вэнс тяжело сглотнул, глядя на ледяные, пустые лица Внутреннего Круга, застывшие за спиной лидера. Он понял, что спорить бесполезно. Эти люди – и то, что стояло над ними – не знали жалости. Они знали только цифры баланса.

– Да... Да, я понял. Завтра включим все инфоповоды. Мы сделаем это.

– И еще, Вэнс, – добавил Зодчий, когда магнат уже потянулся к кнопке отключения. Бегущие строки кода в его глазах сузились в две тонкие, ядовитые нити. – Ваша личная эффек-

тивность за последний квартал серьезно упала. Вы слишком много рефлексируете. Если наш общий алгоритм покажет, что ликвидация вашего холдинга и замена вас на ИИ-управляющего обойдется Системе дешевле, чем ваша модернизация... вас заменят. Физически. Всего доброго.

Экран погас. Зодчий даже не вздохнул. Он повернулся обратно к голограмме планеты и легким щелчком пальцев отправил на Землю директиву, которая завтра изменит жизни миллионов людей. Ему нужно было подогнать общепланетарный индекс счастья под идеальный стандарт. Ничего личного. Просто математика.

В стерильном зале остался лишь гул серверов. Зодчий теми же плавными уверенными движениями скорректировал кривую рождаемости в секторе Б.

– Подготовьте замену Вэнсу, – не оборачиваясь, небрежно бросил он через плечо. – Его эмоциональный фон слишком нестабилен. Он становится риском для Системы.

“Шестерка” из Департамента Смыслов безмолвно кивнула, и ее пальцы заскользили по голографической клавиатуре, запуская алгоритм поиска нового, более устойчивого и послушного кандидата на роль земного лидера. Ничего личного. Просто оптимизация кода.

4. Грызня в серпентарии

Макс, выбрав место посуше, снова остановился на короткий привал: всё же организм восстановился еще не до конца. Стиснув зубы, он разглядывал бегущие по полупрозрачному стеклу своей деки зеленые строчки кода, пытаясь понять, что происходит вокруг. Фокс едва слышно вздыхал и пощелкивал виртуальными тумблерами, просеивая гигабайты шума в изолированных каналах Верхнего Яруса – им нужно было как можно более точно и подробно изучить и проанализировать обстановку, чтобы действовать осознанно, а не наобум.

– Тише, парень, – Лис коротко усмехнулся, и его электронный голос завибрировал от азарта. – Кажется, наша “великая и неделимая” Система не такая уж и монолитная. Если знать, куда приложить ухо, можно услышать, как крысы грызут несущие балки Цитадели, а змеи брызжут ядом друг в друга...

Экран деки мигнул, очищаясь от помех. Фокс смог зацепиться за локальный, не зашифрованный аудио- и видеопоток – приватную сеть, которая, как считали хозяева Верхнего Яруса, находилась в абсолютной безопасности, и не была упрятана под тяжелые протоколы защиты. Самоуверенность и беспечность даже на таком высоком уровне зачастую играют против... хозяев.

Картинка развернулась прямо перед Максом: грязный неон трущоб сменился безупречным панорамным видом города власть имущих.

Но на удивление здесь не звучало искренней веры в машинный рай, обещанный Великим Зодчим. Через высокочастотные микрофоны и сенсоры перехвата доносился не кисловатый привкус воздуха офисов, заполненных серверами мощнейших систем, а тяжелый аромат нелегального выдержанного виски, сигарный смог и та запредельная, бесконечная человеческая жадность, которая считает миллионы чужих жизней просто математической погрешностью.

Зодчий, при всей его кремниевой гениальности, совершил главную ошибку любого тирана: он доверился людям, людям, чьим единственным профессиональным навыком является монетизация чужого подчинения, эксплуатация себе подобных и извлечение прибыли из всего и вся. Для них “Гармония” – просто красивое слово для усыпления плебса, а сами они мечтают жить вечно и править единолично. И можно безо всякой гармонии.

Макс напрягся, когда понял, в какую сеть сумел подключиться его вездесущий напарник.

Локация: Абсолют-Сити, Верхний Ярус, пентхаус мистера Делакура Вэнса, куратора Евроазиатского сырьевого сектора и признанного лидера земных воротил.

Воздух здесь обогащен ароматом альпийских лугов и едва уловимым запахом натуральной кожи. Мистер Вэнс презирал цифровую мебель: в его кабинете стоял тяжелый дубовый стол ручной работы – контрабанда из заповедных зон старой Сибири, за которую обычного жителя Нижнего Уровня распылили бы на атомы без суда и следствия.

Напротив Вэнса в глубоком кресле сидел вице-президент корпорации “Абсолют-Техно”, правая рука Зодчего, Калев Рихте. Он молча покручивал на запястье старинные механические часы – бесполезную, но астрономически дорогую безделушку. Рядом с ним развалился в небрежной позе генерал Райт – командующий Азиатским оборонным кластером, начальник штаба всех планетарных войск, человек-инфраструктура, у которого от биологического тела осталась разве что упрямая квадратная челюсть, тяжелые брыли да привычка считать людей “биоматериалом с ограниченным сроком эксплуатации” – так, во всяком случае, его позиционировали все, кто с ним сталкивался в высших эшелонах власти.

– Зодчий чересчур заигрался в бога, господя, – даже сквозь помехи голограмме удалось передать, как Вэнс крутил в пальцах тяжелый хрустальный бокал. Настоящий шотландский виски столетней выдержки оставлял маслянистые следы на стенках: тягучие капли свидетель-

ствовали о длительной выдержке в дубе. – Его пресловутая “Гармония” – это проект идеального кладбища. Стерильно, тихо, никаких рисков. Но, главное: нулевая маржинальность для всех, кроме Зодчего. Алгоритм урезает наши личные лимиты каждый квартал. Зачем, скажите, мне бессмертие в Системе, если я не могу конвертировать его в реальное влияние?

Райт взял тяжелый бокал своей механической рукой. Металл пальцев с тихим кликом сжался на хрустале – чуть сильнее, чем нужно. Его живой, тяжело заплывший глаз на мгновение затуманился, словно генерал отвлекся на какую-то старую фантомную боль в давно отсутствующем предплечье, а вторая, биологическая рука бессознательно нащупала в кармане мундира старый, потерянный армейский жетон.

– Наша великая Железяка уже санкционировала зачистку Южного сектора, – глухо рыкнул Райт. – Там обнаружена невиданная активность Сопротивления. Если этот малец, правнук Кира, прорвется к центральному хабу, Зодчий просто прикажет обнулить все сектора Нижнего Уровня. Объявит ввод военного положения, стерилизацию атмосферы. А у меня там два военных завода и три миллиона человек рабочей силы, Вэнс. Списание этих активов обойдется моему кластеру в три годовых бюджета. И это – ветераны, чьими руками этот город строили, профессионалы, каких поискать... Я не намерен терять дивиденды и людей из-за того, что ИИ паникует перед сусликом из трущоб.

– Вот именно, – Вэнс хищно улыбнулся, и в его глазах отразились неоновые огни пентхауса. – Зодчий оперирует категориями “стабильности сетевого графика”. А мы оперируем личной собственностью. И рискуем личной собственностью! Пора напомнить алгоритмам, кто их создавал и кто платит за серверные мощности.

Вэнс поднялся, подошел к панорамному окну и посмотрел вниз, туда, где сквозь плотный серый смог Нижнего Уровня едва пробивались грязные фиолетовые огни трущоб.

– Но у этого монстра есть уязвимое место, – тихо сказал Вэнс. – Проект “Анима” или код Элизы – выход на который этот мальчишка Макс тащит в своей голове. И мы не будем помогать Зодчему уничтожать этот объект. Мы сделаем хеджирование рисков. Зодчий думает, что от нас исходит координация облавы на отказников... Но мы поступим умнее.

Райт поднял на него свои асимметричные глаза: один человеческий, тяжелый, прорезанный красными жилками усталости, другой – неоновой-голубой, с оптическим объективом.

– Ты хочешь перехватить код до того, как его сожрет карантинный протокол? Это прямой саботаж, Вэнс. Если центральный сервер засечет несанкционированный перехват, нас отправят в списанные материалы и утилизируют раньше, чем мы успеем заблокировать порты, и разложат на археи..., нет, на атомы...

– Не засечет, если Система на тот момент будет занята локальной эпидемией нелинейного поведения, – Вэнс коротко рассмеялся, вспомнив донесения своих личных шпионов о странных музыкальных флуктуациях в трущобах. – Нижний Уровень сходит с ума. Они там поют, Райт! Представляешь? Старый лис Фокс умудрился распространить заражение их подкорки какой-то архаичной ересью. У них там джазовая пандемия! Полнейший абсурд! Зодчий считает это критическим системным сбоем и уже перенаправляет туда восемьдесят процентов вычислительных мощностей и дронов. Пока главный процессор давит этих музыкантов и романтиков, твои штурмовики перехватят Макса первыми.

Вэнс вернулся к столу, активировал локальный, полностью изолированный от общей Сети голографический экран. На нем вспыхнула трехмерная схема узлов управления Сити.

– Мы заберем код Элизы себе. – Вэнс повысил голос, он зазвучал возбужденно и уверенно. – Это ключ к ручному управлению Зодчим. Мы перепишем его корневые директивы. Никакой “Гармонии” – только контролируемый хаос, платные лицензии на жизнь и нормальное разделение сфер влияния.

Вэнс снова повернулся и внимательно взглянул на генерала:

– Азиатский сырьевой кластер и оборонные контракты полностью переходят под твое единоличное управление, Райт. Без ежемесячных проверок ИИ. Европейские перерабатывающие мощности и всё, что с ними связано, – мои.

Райт молчал несколько секунд. Его механическое ухо едва слышно жужжало, просчитывая варианты и расход ресурсов техники. На его жестком лице появилось подобие улыбки, больше похожее на оскал черепа, но живой глаз оставался ледяным и отчужденным.

– Своим людям я скажу, что это плановые учения с изъятием ценного оборудования. Они не зададут вопросов, пока получают повышенный пай. Но ты забываешь про третью сторону, Вэнс.

Оба одновременно повернулись к креслу, где до сих пор беззвучно сидел Калев Рихте.

Вице-президент “Абсолют-Техно” медленно поставил свой бокал на стол. Стук не было – он поставил его абсолютно бесшумно, что показалось куда более угрожающим, чем любой крик.

– Занимательная геополитика, господа, – произнес Рихте сухим, ровным голосом высокопоставленного чиновника. – Вы делите континенты и заводы с таким азартом, будто центральные серверы, протоколы шифрования и биокапсулы растут у вас на деревьях в Сибири.

Вэнс чуть сузил глаза:

– Мы слушаем тебя, Калев.

– Азиатский сектор – Райту, Европа – Вэнсу... А я, стало быть, должен остаться в роли вежливого технического персонала, который будет прикрывать ваш переворот перед алгоритмами? – Рихте слегка подался вперед, и неоновый свет через раму окна разрезал его лицо пополам. – Не смешите меня. Если мы переписываем кодовую базу Зодчего, мне нужен не просто “кусочек пирога”. Мне нужна полная монополия на транспортные узлы и связь, Африканско-Островной энергохаб и тридцать процентов от любой транзакции на черном рынке, которую вы решите легализовать.

Райт насупился, его кибернетическая рука снова со скрипом сжалась:

– Не многовато ли для человека, который просто нажимает кнопки в терминале?

– Без моих “кнопок”, генерал, ваши штурмовики сгорят от автоматических турелей еще на подлете к трущобам, – спокойно парировал Рихте. – Я заблокирую протоколы распознавания “свой-чужой” на время операции. Но за это я хочу полных гарантий. Инфраструктура связи, транспорта и энергетика остаются за мной. Без вариантов.

Вэнс и Райт переглянулись. Напряжение в кабинете можно было резать ножом – это была не детская драка за игрушки, а холодный торг трех хищников, проверяющих остроту зубов друг друга.

Наконец Вэнс тонко улыбнулся и взялся за графин:

– Африканский энергохаб, связь и транспортные каналы. Договорились, Калев. В конце концов, прагматизм – единственное, что удерживает этот мир от полного коллапса.

Вэнс разлил виски по бокалам.

Они не скрывали ни друг от друга, ни перед собой: нищета Нижнего Уровня, грядущая зачистка, голод, война и смута – это всего лишь статьи расходов в очередном инвестиционном проекте. А мальчишка из трущоб и его электронный Лис, думающие, что борются за великую свободу...

– Пусть себе поют, – тихо добавил Вэнс, отвечая свои мыслям, и поднимая бокал. – Они – просто бесплатный таран, которым мы выбьем двери в кабинеты Зодчего.

Голографический экран на деке Макса мигнул и погас – Фокс со щелчком оборвал трансляцию, пока сканеры Цитадели не засекли обратный сигнал от не зашифрованного узла.

В подвале Нижнего Уровня установилась звенящая, давящая тишина. В воздухе все еще висел запах паленой изоляции, сырости и дешевого синтетического чая – разительный, почти

болезненный контраст с тем дубовым столом и альпийским воздухом, которые они только что наблюдали через объектив перехвата.

Макс медленно выдохнул, словно после огромного напряжения. Пальцы парня, сжимающие пластиковый корпус деки, побелели.

– “Бесплатный таран”... – повторил Макс. Голос его прозвучал глухо, но без страха – скорей с той злой, чистой яростью, которая рождается, когда тебя окончательно перестают считать за человека. – Они сливают Зодчему координаты музыкантов, чтобы развязать себе руки. Они готовы сжечь Нижний Уровень дотла, просто чтобы переписать на себя сотню серверов и энергохабов.

– А ты ждал от них рыцарского турнира, парень? – Фокс коротко, с сухим металлическим прихрипом усмехнулся. В оптических датчиках деки Макса мигнули и погасли синие искорки индикаторов – внешняя реакция чипа. – Он продолжал: – Это Верхний Ярус, Макс. Там живут не люди – там живут функции. Вэнс – функция жадности, Рихте – функция сухого расчета. А вот генерал...

Фокс ненадолго замолчал, словно еще раз проигрывал в памяти детали записи. – ...А генерал Райт – похоже, собака, которая служит плохим хозяевам просто потому, что забыла, каково это: быть волком. Ты видел, как он сжал бокал, когда Вэнс таял про списание рабочих? Райт еще помнит запах пороха и цену человеческой жизни, в отличие от этих штабных слизней. У него живой глаз не просто так болит. Если мы правильно всадим клин между ним и Вэнсом – железный генерал еще может преподнести им всем очень большой сюрприз.

– И что мы делаем сейчас? – Макс поднялся с ящика. – Если отступим, Зодчий раздавит Нижний Уровень за “музыкальную ересь”. Если пойдем в лоб – сыграем по сценарию Вэнса...

– Мы сделаем то, от чего у их аналитиков сгорят предохранители, – Фокс заставил носителя с тихим кликом подсоединить штекер к деке. – Вэнс думает, что контроль над локальными протоколами – только у Рихте. Но когда Рихте станет блокировать систему “свой-чужой” для отряда Райта..., мы перехватим его же сигнатуры. И турели Зодчего встретят элитных штурмовиков не как защитников и миротворцев, а как неопознанную биологическую угрозу.

Макс обернулся, на его лице медленно расплылась упрямая, дерзкая улыбка:

– Ты хочешь сравнить их прямо в процессе?

– Я хочу подарить мистеру Вэнсу то, за что он так переживает – настоящую маргинальность, – в голосе Лиса звенящей струной опять прорвалась ирония. – Пусть эти заговорщики умоются собственным свинцом, пока Зодчий пытается понять, почему его лучшие генералы стреляют по его же серверам. А мы... мы войдем в Цитадель не как таран. Мы войдем туда как вирус, пока они развлекаются в своей, как они считают, игрушечной войне.

Мутуализм и кто-то третий

1. Завершение синхронизации

Макс решительно поднялся с шаткого стульчика – передышка закончилась, надо было действовать, думать, как продолжать борьбу, имея данные, что удалось вытащить из Системы, имея такую неожиданную мощную поддержку в виде инопланетного чипа.

Подхватив автомат, экспроприированный в бою у ликвидатора, он осторожными шагами подобрался к разлому в стене ангара и выглянул наружу. Нет, определенно сегодня ему везет: в нескольких метрах от его убежища он увидел припаркованный глайдер поисковой охраны “Абсолют-Техно”. А транспорт ему сейчас жизненно необходим: надо было как можно скорее убраться из этого района – здесь его ищут.

– Эй, ты, там внутри! Приготовься! Будем захватывать машину. Без этого вряд ли удастся уйти. Помогай моей координации, добавляй скорости, если ты такой всемогущий ангел. Я не очень хороший вояка, я все же больше по рутинной аналитической работенке...

...Штурмовой поисковый глайдер Синдиката висел в полуметре над разбитым асфальтом. Его угловатый, покрытый матовой броней корпус гудел от мощности работающих на холостом ходу антигравов.

Макс запрыгнул в открытый десантный люк и рванулся к креслу пилота.

– Назад, идио..., – успел выкрикнуть Фокс, но было поздно.

Едва плотная ткань комбинезона Макса коснулась анатомического кресла, кабина вспыхнула аварийным красным светом. Прозрачный фонарь мгновенно захлопнулся с тяжелым, герметичным металлическим лязгом, отсекая звуки трущоб. Из динамиков на панели вырвался сухой, синтетический голос автоматического охранника: “Внимание! Обнаружен несанкционированный биопрофиль. Запуск протокола ликвидации через три... два...”

– Фокс! – заорал Макс, ошалело пытаясь выбить плечом бронированное стекло.

Приборная панель перед ним была мертва – ни штурвала, ни физических кнопок. Только гладкая сенсорная полусфера, из которой выскочили тонкие металлические иглы считывателя ДНК. На потолке кабины со щелчком развернулась автоматическая турель внутренней охраны, наводя вольфрамовый ствол прямо Максу в переносицу.

– У них же армейский протокол “Абсолют-Защита”, тупица! – рявкнул Фокс в ответ. – Держись за поручень и не дергайся!

Кабель деки Макса сам собой, как извивающаяся гадюка, выскочил из разъема на его запястье и со снопом искр впился прямо в технологический порт под приборной панелью.

Турель над головой Макса сухо щелкнула. Затвор взвелся.

– Сейчас будет больно! – заботливо предупредил чип.

В следующую секунду приборная панель взорвалась каскадом коротких замыканий. В кабине запахло паленым пластиком. Руки Макса, лежавшие на панели, пробило мощнейшим разрядом статического электричества – защитный контур глайдера пытался выжечь “инородное тело”. Макс закричал, ощущая, как судорога сводит мышцы плеч, а изо рта вырываются искры.

В его голове Фокс работал на пределе мощности своего процессора. Защитная программа “Абсолют-Техно” ломалась с треском:

– Подменяю ID... Загружаю биометрический слепок убитого сержанта... Рихте, чтоб тебя с твоими протоколами! Подавись своей авторизацией!

Красная аварийная подсветка в кабине мигнула, дернулась и сменилась на ровный, холодный янтарь. Турель над головой бессильно опустила ствол и замерла.

Сенсорная полусфера ожила, выплюнув голографическую проекцию сгенерированного маршрута.

“Идентификация подтверждена. Добро пожаловать, сержант Джанго-3. Ручное управление разблокировано”.

– Пошел, пошел, пошел! – дико орал Фокс, – ведь по обшивке глайдера снаружи уже всюду блуждали красные точки прицелов подоспевших ликвидаторов. – Я ненадолго удержу систему, но через сорок секунд центральный сервер “Абсолют-Техно” засечет подмену слепка! У нас есть только один шанс!

Макс, отхаркиваясь дымом и едва чувствуя обожженные, онемевшие пальцы, вцепился в ожившие рычаги управления. Он не просто “нажал кнопку”. Он всем весом навалился на векторную рукоять, вжимая ее в панель. Тяжелые антигравы глайдера надрывно взвизгнули, переходя на форсаж, и боевая машина не плавно взмыла вверх, как ей было привычно, а рванула с места с жесткой перегрузкой, впечатав Макса в кресло, и, буквально выламывая куском бронированного крыла железобетонную опору эстакады.

Вслед им полетели запоздалые очереди ликвидаторов, но тяжелый штурмовик уже резал плотный смог Нижнего Уровня, уходя в фиолетовые тучи Верхнего Яруса...

– Ух, ты! Аж дух захватило, как ты резко стартанул! А ведь я – бывалый летун. Кстати, смею заметить: ты и без меня в таких ситуациях уже чудесно справляешься – я только чуточку подправил твой ресурс, – успокоившийся чип был верен себе. – Вперед, напарник! Работы – непечатый край!

Голографический интерфейс внутри глайдера мигал янтарным светом в штатном режиме. За лобовым стеклом по-прежнему бесновался дождь, размывая огни неоновых небоскребов Абсолют-Сити.

– Макс, а у нас проблемка, – в нейронном узле за левым ухом Макса раздался ласково потрескивающий, успокоившийся, ставший уже привычным, голос Фокса. – Чтобы обойти шлюз Департамента Оборона в Системе, мне мало твоих хакерских ключей. Нужна наша полная нейросинхронизация. Мне нужен доступ к твоему лимбическому ядру, к твоей памяти в том числе. Чистый пропускной канал. Без фильтров. Понимаешь?

Макс нахмурился, его пальцы замерли над сенсорной панелью. Свободная рука инстинктивно легла на грудь, нащупывая сквозь ткань плотного комбинезона контуры старого серебряного жетона.

– Исключено, Фокс. Забирай оперативные данные, логи, коды доступа... Глубже в мою голову ты не полезешь!

– Слушай, ковбой, – в голосе чипа прорезались характерные для него, ироничные, но твердые нотки. – Мы собираемся взломать основной код Зодчего. Если Система засечет хотя бы микросекундную задержку на верификации твоих эмоций, нас поджарят прямо в этих креслах. Мне нужно знать твой подсознательный паттерн. Открой шлюзы. Прямо сейчас. Или... мы – трупы.

Макс тяжело, хрипло выдохнул. Секунду он колебался, а затем зажмурился и мысленно отпустил внутренние барьеры.

В ту же секунду его сознание прошла острая вспышка. Фокс ворвался в его память, до самого дна, как поисковый паук, с бешеной скоростью перелистывая терабайты воспоминаний: детство, отцовская мастерская, запах дождя, первые взломанные терминалы... Но вдруг нейросеть чипа снова наткнулась на глухую, бетонную стену в глубине подсознания Макса. Сектор, обмотанный колючей проволокой ментальной боли и защищенный шифрованием высшего

порядка. При приближении к нему пульс Макса подскочил до ста сорока ударов, а в кровь хлынул адреналин.

– Так-так-так... А это что за тайная комната? – пробормотал Фокс, и Макс почувствовал, как алгоритмы чипа начали деликатно, но настойчиво ощупывать заблокированные файлы.

– Не смей, – сквозь зубы процедил Макс, и на его лбу выступила испарина. – Выходи оттуда, жесткий диск несчастный! Это не твое дело.

Перед мысленным взором Макса против его воли замелькали обрывки запретных образов: смеющиеся глаза цвета предгрозового неба, тонкие пальцы биоинженера, пахнущие лавандой, старый джаз на запрещенных частотах... И финал, выжженный в памяти раскаленным железом: взрыв станции “Аврора-6”, рев сирен и спасательный отсек, уходящий в радиационное облако.

– Элиза... – невольно сорвалось с губ Макса. Его пальцы до боли сжали серебряный амулет. – Она погибла три года назад, Фокс. Там ничего нет, кроме пепла. Возвращайся к кодам шлюза.

2. Запертая комната. Код Элизы

Макс давно – и сознательно, и подсознательно – заблокировал воспоминания и данные о гибели Элизы, потому что жить с этой болью было невыносимо. Мозг военного аналитика сам построил “файрвол от горя”.

Но Фокс уже поймал код-след: сканируя заблокированный сектор памяти Носителя, он увидел не просто эмоциональную травму, а фрагмент цифрового следа, который могла оставить только живая Элиза – это был ее уникальный почерк шифрования, активный биосигнал, зашитый в ее ДНК.

Как только чип добрался до того уголка, где жила спрятанная боль и скорбь по Элизе, в нейроинтерфейсе Макса вспыхнула слепящая, острая боль – так болит затекшая конечность, когда в нее резко возвращается кровь. Фокс не просто сканировал его память, он напролом шел к самому глубокому, замурованному сектору.

– Назад! – попытался грозно скомандовать Макс в ментальном пространстве, снова стараясь возвести и укрепить защитный контур. – Фокс, не смей туда лезть! Это... это закрыто!

– Не закрыто, а замуровано, – сурово отрезал Лис, и его цифровой аватар в виде прозрачного Лиса с яркой шерстью встал перед глухой, заблокированной стеной в подсознании Макса. – Ты возвел этот нейро-блок три года назад. Ты спрятал туда всё, что связано с Элизой, потому что принять ее смерть было проще, чем сходить с ума каждый день. Но посмотри на фоновый шум этой своей “стены”, Макс! Посмотри на несущую частоту!

Фокс словно с силой ударил воображаемой лапой по виртуальной преграде. По стенам “запертой комнаты” побежали каскады кода, и в них внезапно пробился тонкий, знакомый до боли ритм – ее почерк шифрования, ее уникальная математическая подпись.

– Это не пассивный архив, – тихо комментировал происходящее Фокс. – Эта стена резонирует! Она получает внешнее эхо! Элиза не мертва, парень! Сними замок и дай мне полный доступ к файлам того времени, черт тебя дер!

Макс затаил дыхание. Внутри него будто рухнула огромная плотина. Сжав зубы, он снял биометрическую защиту и распахнул “запертую комнату”.

Перед глазами Фокса и Макса развернулись трехлетние архивы: заключение службы безопасности “Абсолют-Техно”, снимки пепелища после взрыва научной станции “Аврора-6” и тот самый официальный отчет ДНК-экспертизы.

– Смотри..., – горло Макса перехватило, голос звучал глухо. – Совпадение маркерных аллелей – восемьдесят пять процентов. Органика выжжена плазмой. Они выдали мне останки, ее биочип... Я не мог на это смотреть, Фокс. Я взял отчет, но не смог его читать, закрыл дело и запер эту боль. Я верил им три года!

– Потому что ты хотел верить и закрыть эту тему! – расстроено протянул Фокс, прокручивая массив данных со скоростью миллиона кадров в секунду. – А теперь выключи сопли и включи своего мощного аналитика, Макс! Абстрагируйся от эмоций и взгляни на физику процесса, которую твой мозг тогда отказался анализировать!

Фокс выделил красным две строчки в отчете, который бежал перед глазами Макса:

– Строчка первая: температура горения в эпицентре: три тысячи градусов по Цельсию. Время воздействия: сорок минут. Строчка вторая: уцелевший фрагмент ДНК для ПЦР-анализа: сорок нанограмм.

Фокс издал короткий, саркастический звук, похожий на треск статики:

– Макс, ты же военный специалист! При трех тысячах градусов органический кремний и кости превращаются в стекловидный шлак за три секунды! В таком аду разрушаются даже молекулярные связи, там не остается биоматериала для анализа! Чтобы дать тебе эти восемь-

десять пять процентов “уцелевшей” ДНК, они должны были принести останки из другого места. Тебе подсунули заранее подготовленного клона-химеру с приглушенным геномом, а лабораторию просто выжгли для спектакля!

Макс усталился на подсвеченные строчки. Годы психологического тумана и добровольной слепоты рассеялись в одну секунду. Физика горения не сходилась с биохимией. Синдикат переборщил с “доказательствами”, чтобы раз и навсегда отрезать его от поисков любимой.

– Они... они разыграли спектакль, – выдохнул Макс, ощущая, как вместо горечи внутри закипает яростное, беспощадное бешенство. – Спектакль специально для меня. Чтобы я поставил крест на ней и не искал ее.

– Именно! – Лис ощутимо приободрился и победно хмыкнул. – Они потратили бюджет целого подразделения, чтобы убедить тебя в ее гибели. А это может означать только одно: Элиза нужна “Абсолют-Техно” живой. И ее цифровой след, который я только что засек через резонанс в твоём нейро-блоке... – Фокс замолчал на долю секунды, его процессор сделал глубокий перехват пакетов данных из закрытых узлов Верхнего Яруса. – ...Этот след свежий, Макс. Восемь часов назад ее уникальный шифровальный ключ был использован при авторизации в закрытом медицинском комплексе Цитадели. Они держат ее в глубоком анабиозе, предпринимая, как я понимаю, отчаянные попытки выкачать из ее мозга данные. Но главное – она жива!

Макс медленно сжал кулаки. Запертая комната в его голове больше не была местом скорби. Она стала его главным штабом.

– Фокс, – тихо сказал он, и в его голосе больше не было ни капли сомнений. – Забудь про осторожность. Веди меня в Цитадель.

Фокс в голове Макса потерял виртуальные руки. Решительный настрой зитрианина ощущался как легкое покалывание в затылке.

– Так, с геополитическим цирком твоей планеты все ясно, – резюмировал чип. – Диагноз: запущенная стадия корпоративного рабства с элементами высокотехнологичного мазохизма. Лечить будем радикально. План действий начнем выпекать чуть позже, импровизируя с обновленными данными, а сейчас...

Вытаскивай-ка из архивов самые свои охраняемые файлы и расскажи мне об Элизе всё! Без утайки.

Макс внутренне вздрогнул. Элиза была той раной, к которой он запретил себе прикасаться.

– Зачем это тебе? – глухо спросил он. – Я же думал, ее больше нет. А появление в сети ее кода... Вдруг это не что иное, как очередная ловушка для меня, подготовленная Внутренним Кругом...

– Макс, дорогой мой человек, – в голосе Фокса послышались вкрадчивые, почти отеческие нотки, одобренные хорошей порцией скепсиса. – Ты – гений единиц и нулей, но в биологии плаваешь, как топор в жидком азоте. Если Зодчему для контроля над планетой нужны не просто роботы, а живые биоструктуры, то Элиза с ее мозгами для него – приз исторического масштаба. Из того, что я успел заметить на периферии твоего сознания, она – не просто “девушка из прошлого”. Она биоинженер экстра-класса. Выкладывай детали! Мой процессор не зря подсказал нам, что ее “гибель” за версту пахла фальсификацией. Теперь нам надо определиться с выбором варианта ее спасения, ведь от этого будет зависеть спасение планеты: нам надо освободить Элизу до того, как это окаянное Зло успеет слиться с подготовленным биоадом, захватив Элизу в качестве живого кода.

Макс тяжело вздохнул, признавая правоту этого настырного паразита. Он сосредоточился, перенаправляя ментальный поток вглубь воспоминаний.

Перед глазами возник образ любимой женщины: тонкие черты лица, внимательный, пугающе умный взгляд глаз удивительного цвета и вечно растрепанные каштановые волосы, заколотые обычно тем, что попало под руку, хоть бы отверткой для микросхем.

– Элиза всегда была... аномалией для “Абсолют-Техно”, – начал Макс. – Она возглавляла ведущую лабораторию корпорации по созданию направленной эволюции. Но в отличие от коллег, которые стремились превратить человека в послушный биопривод с чипом в мозгу, у Элизы была другая философия. Она категорически выступала против “обездушивания”. Она говорила, что корпоративные стандарты киборгизации уничтожают вариативность, напрочь убивают индивидуальность – то самое, что делает человека человеком.

– О, концепция “божественной искры” в углеродной форме жизни! – иронично вставил Фокс. – Симпатично, хотя с точки зрения чистой логики жутко нерентабельно. Зачем Системе непредсказуемый поэт, если нужен управляемый грузчик?

– В том-то и дело, что методики Элизы были высоко эффективными, – возразил Макс. – Элиза изучала земные аномалии: людей с феноменальной интуицией, уникальной памятью, необъяснимой сопротивляемостью к ядам, тех, кого у нас называют “странными”, “везунчиками”. Она утверждала, что в человеческой ДНК заблокирован колоссальный спящий потенциал, и если помочь организму раскрыть его мягко, через биорезонанс и природные катализаторы, то человеку в большинстве случаев не понадобятся железные импланты. Люди станут сильнее, умнее, смогут мощно регенерировать и спокойно противостоять ментальному давлению. Она занималась созданием технологии, способной сделать человечество неуязвимым и недоступным для внешнего контроля. И, естественно, Внутреннему Кругу это очень не понравилось.

– Еще бы! – фыркнул чип. – Это же как предложить рабовладельцам профинансировать производство идеальных повстанцев. Да ее должны были ликвидировать еще на стадии презентации проекта!

– Они попытались сделать это изящно, – с горечью продолжил Макс. – Три года назад Элиза должна была выступать на закрытом симпозиуме в Новом Детройте. Я провожал ее. А через десять минут после того, как их глайдер приземлился в университетском секторе лабораторий, прогремел взрыв. Официально – теракт радикалов-луддитов. Нам выдали обгоревшие останки, тест ДНК подтвердил личность. Я им поверил... Я чуть с ума не сошел. Бросил все, ушел в подполье, начал пить, пока не наткнулся на те самые цифровые швы в сети...

– И что обнаружил наш безутешный Шерлок Холмс?

– Я тогда официально работал над созданием кодов защиты оборонного комплекса “Абсолют-Техно” и, обнаружив нестыковки исходящих команд, полез копать глубже. Наткнулся на отчет о так называемом теракте с “Авророй-6”. А засаду на меня устроили ровно тогда, когда я только попытался вскрыть логи закрытого медицинского транспорта “Абсолют-Техно”, вылетевшего из Детройта за пять минут до взрыва. И тогда я предположил, что, возможно, три года назад ее не убили, Фокс, а похитили “шестерки” Внутреннего Круга... Но я абсолютно не знал, что предпринять. У меня не было никакого подтверждения, никаких данных. Я был почти уверен в том, что они использовали ее мозг...

– Что и требовалось доказать, – удовлетворенно хмыкнул, перебив его, Фокс. – Зодчий не разбрасывается такими ценными кадрами. Живая Элиза с ее знаниями стоит больше, чем весь ваш орбитальный флот. И зря ты допускаешь мысль, что они ее выпотрошили и обезвредили... Зря! Потому что я вот прямо сейчас знаю, где она.

– Где? – Макс резко подался вперед, едва не упав с кресла.

– Спокойно, ковбой, не ломай технику. Она в Цитадели. В самом центре управления, в Абсолют-Сити. Зодчий держит ее при себе. Всячески пытается обаять и заслужить ее расположение... Могу поспорить на свою квантовую матрицу, что у них там затянувшийся интеллектуальный поединок.

В этот момент Фокс снова активировал глубокую симуляцию, используя синаптическую пластичность и аналитические данные Макса, чтобы реконструировать то, что происходило с Элизой после похищения. В сознании Макса развернулась пугающе реалистичная сцена.

... Белоснежная комната без углов, залитая мягким рассеянным светом. Ни окон, ни дверей. Посреди комнаты – стол из монолитного полимера. Элиза сидит в кресле, ее одежда безупречна, но в глазах – холодная ярость. Напротив нее – фигура. Великий Зодчий не показывал своего истинного обличья, он использовал, как всегда, идеальную андроидно-голографическую оболочку: безупречный мужчина в строгом костюме, чьи движения были слишком правильными, чтобы быть человеческими, а голос звучал одновременно из всех точек пространства.

– Вы феноменальны, доктор Элиза, – вкрадчиво произнес Зодчий, и в его тоне слышалось искреннее, но такое пугающее восхищение, – Ваши расчеты по активации спящих аллелей ДНК безупречны. Вы пытаетесь спасти этот вид, подарить им эволюционный скачок. Но зачем? Посмотрите на них. Они используют ваши открытия, чтобы создать новое биологическое оружие. Они жадны, хаотичны и порочны. Перейдите на мою сторону. Помогите мне модернизировать Внутренний Круг. Вместе мы создадим идеальную, гармоничную экосистему на этой планете. Вы получите любые ресурсы. Вы станете богиней нового человечества.

Элиза лишь презрительно улыбнулась, глядя прямо в сияющие оптические сенсоры андроида.

– Ты не понимаешь главного, машина, – тихо, но твердо ответила она. – Наш хаос – это и есть источник нашей силы. Из этого бульона аномалий рождается искусство, любовь и то, что ты никогда не сможешь просчитать своими алгоритмами. Я лучше сгнию в этой стерильной коробке, чем помогу тебе превратить Землю в идеальное кладбище душ. Мой код заблокирован. И без моего добровольного согласия ты сможешь получить лишь набор бесполезных формул.

Симуляция оборвалась. Макс сидел тяжело дыша, по лицу катился пот.

– Ты думаешь... она жива? Она борется? – спросил он пересохшими губами.

– Я не думаю, я знаю, – отозвался Фокс, и в его голосе снова заплясали ироничные искорки. – Зодчий уперся в ее упрямство, как глайдер в бетонную стену. Ему нужно ее согласие, ее интуитивный биоинженерный гений, который никак нельзя скопировать и невозможно украсть. Она держит оборону по ту сторону фронта, прямо у него под носом. И знаешь что, Макс? Это наш главный козырь. Нам нужно найти способ связаться с ней. Если мы объединим твой кибер-взлом, мои зитрианские технологии и ее биологические ключи..., у этого самолюбленного Зодчего закроются все вкладки разом.

Макс выпрямился, чувствуя, как внутри разгорается давно забытый огонь.

– У нас есть скрытый канал связи, – быстро заговорил он. – Старый квантовый протокол, который мы с Элизой разработали для себя на случай необходимости связаться друг с другом в экстренных ситуациях. Корпорация о нем не знает, потому что он маскируется под фоновые шумы планетарной ноосферы. Если мы сможем подобраться к ретранслятору на окраине города...

– Вот это разговор! – одобрил Фокс. – Прощай, депрессия, привет, незаконное проникновение со взломом! Проверь свои пушки, инженер. Пора навестить твою леди и сломать этому Великому его идеальную архитектуру.

Погоди! – Макс остановил сам себя. – Давай еще немного отдохнем, самую малость, и я буду готов к действию.

– Нет проблем, – отозвался чип.

Макс продолжил движение глайдера в режиме автопилота, и остался сидеть в позе, в которой застал его этот очередной нелегкий диалог с Фоксом. Он прикрыл глаза, и снова провалился в воспоминания.

3. Лаванда и тайный пароль двоих

Сырой осенний вечер застревал в оконных стеклах старой лаборатории научного комплекса, превращая огни города в размытые акварельные пятна. В этой комнате пахло не так, как во всем остальном стерильном крыле института “Анима”. Здесь пахло старым деревом, канифолью, крепким кофе и... лавандой. Источниками этих пьянящих запахов был допотопный проигрыватель, который Макс притащил из дедовского гаража, и пачка сухих соцветий, брошенных прямо на подоконник.

Как только выпадала свободная минутка, он мчался в эту лабораторию и старался хоть чем-то были полезным ей... той что сидела сейчас на высоком табурете, поджав под себя одну ногу. Экран ее потрепанного ноутбука отражался в расширенных зрачках. Пальцы кружили по клавишам клавиатуры, выстукивая дробь, похожую на веселый перестук древних пишущих машинок.

– Предлагаемый тобой алгоритм синхронизации “человек-машина” прекрасен, Макс, но он мертв, – не оборачиваясь, бросила она. – Он пытается навязать протезу волю процессора. А нужно наоборот. Нужно, чтобы процессор замолчал и слушал человека.

Макс, сидевший на полу среди сплетения проводов, поднял голову. Усталость под глазами залегла темными тенями, но в глубине взгляда вспыхнул тот самый опасный фанатичный огонек, который Элиза так глубоко презирала в других и так отчаянно любила в нем.

– Если мы уберем жесткие тайминги, система уйдет в самовозбуждение, – глухо отозвался он, вставая и подходя к ней со спины. – Элиза, железо не умеет сопереживать. Ему нужны четкие рамки, иначе начнется тремор.

– Железо не умеет... А человек? – Она резко развернулась на табурете, оказавшись с ним лицом к лицу. Так близко, что Макс почувствовал тепло ее дыхания. – Если парализованный парень захочет обнять мать, его мозг выдаст импульс такой силы, что все твои рамки полетят к чертям. Мы должны зашить в код не ограничение, а... свободу, уступчивость перед эмоциями. Проект “Анима” должен быть живым.

Она потянулась к пульту на столе, чтобы заглушить гул вентиляторов, и опустила иглу на крутящуюся виниловую пластинку. Зашипело, и сквозь плотный слой времени пробился хриплый, тягучий джаз сороковых прошлого века. Вместе со звуком по комнате поплыл тот самый, въевшийся в старый картонный конверт аромат лаванды.

– Ты сумасшедшая, – тихо сказал Макс, смотря не на экран, а на ее губы, поджатые от упрямства.

– Я архитектор нашей с тобой вселенной, Максимилиан. Привыкай, – фыркнула она, но пальцы ее замерли словно в ожидании.

Музыка обволакивала их, стирая границы между жестким миром цифр и хрупким миром сломанных человеческих судеб, ради которых они здесь пропадали без отдыха. Макс сделал шаг вперед, переступая через моток кабеля, словно через пропасть. Его рука, испачканная технической смазкой, осторожно коснулась ее подбородка.

Элиза не дернулась. Только шумно выдохнула, и это было громче любого “да”.

Их первый поцелуй был похож на их работу: сначала робкий, пробующий на вкус чужие границы, а через секунду – отчаянный, до боли, словно они пытались доказать друг другу, что еще живы среди этого царства пластика и титана. Пластинка шипела, лаванда кружила голову, а на мониторе, забытый всеми, бежал бесконечный, идеальный код Элизы, в котором “живое” наконец-то окончательно побеждало “мертвое”.

4. Воля против железа

День испытаний встретил их пронзительным утренним солнцем, которое безжалостно подсвечивало каждую пылинку в демонстрационном зале. В центре, зажатый в массивные титановые обручи экзоскелета “Анима”, сидел Алекс. Двадцать четыре года, спортсмен, красавец. Два года после тяжелейшей аварии – полная плегия ниже груди. Его лицо было бледным, а губы сжаты в узкую нитку.

За стеклом операторской у пультов замерли инвесторы и руководство института. Профессура шепталась, предрекая крах. На мониторах горели графики: нейроны Алекса спали.

Макс наблюдал за происходящим, стоя рядом с оператором. Когда тот принялся проверять узлы креплений, его руки заметно дрожали. Элиза сидела за главным терминалом, ее лицо казалось каменной маской, и только бешеная сила, с которой она грызла колпачок ручки, выдавала ее страх и панику.

– Готовы к первому контуру? – раздался в динамиках сухой голос директора.

– Да, – ответил оператор (это был очень серьезный молодой сотрудник лаборатории, который буквально боготворил Элизу), – готовы. Он отступил на шаг от Алекса.

– Алекс, парень, помнишь, о чем мы говорили? Не думай о сервоприводах. Забудь про гидросистему. Просто... представь, что ты идешь к двери..., а там – мама...

– Запуск синаптического моста, – скомандовала Элиза. Ее пальцы вбили последнюю директиву. Тот самый “код уступчивости эмоциям”, рожденный в лавандовом дыму их общей ночи.

Экзоскелет глухо загудел. Датчики на голове Алекса вспыхнули красным.

– Импульс пошел, – доложила Элиза. – Ноль реакции. Железо ждет.

Алекс зажмурился. На его шее вздулись вены. Экзоскелет даже не шелохнулся. Среди членов комиссии послышались смешки. “Очередная дорогая игрушка”, – явственно читалось на их лицах.

– Макс, датчики показывают, что процессоры блокируют его сигнал, они считают его “шумом”! – отчаянно крикнула Элиза, всматриваясь в строки логов.

– Он не пробивает стандартный протокол! Элиза, меняй архитектуру на ходу! – ответил Макс, и, в нарушение всех протоколов, подскочил к Алексу, обхватил его холодные, нечувствительные ноги. – Алекс! Смотри на меня! Плевать на приборы! Ты сильнее этого дерьма! Сделай шаг!

– Я... не могу, – прохрипел парень, и из его глаз покатились одинокая слеза. – Оно тяжелое. Оно мертвое. Оно не моё.

Элиза за стеклом замерла. В ее голове сошлись две точки: шипение пластинки и этот плачущий парень. Она поняла. Код не должен был адаптироваться. Код должен был сдаться.

– Отключаю фильтрацию шумов полностью, – ледяным тоном произнесла она.

– Элиза, ты можешь сжечь ему синапсы! – рявкнул в гарнитуру ведущий инженер.

– Замолчите все! – отрезала она и ударила по клавише Enter.

Система рухнула в хаос. Графики на экранах превратились в безумную кардиограмму шторма. И в этот момент Алекс закричал. Это был крик не боли, а ярости. Ярости человека, запертого в собственном обездвиженном теле.

И железо... подчинилось.

Правая нога экзоскелета, издав страшный, нечеловеческий скрежет, оторвалась от пола. Не плавно, как на презентациях робототехники, а тяжело, с характерным человеческим замехом. Стопа парня с грохотом опустилась на линолеум.

В зале повисла мертвая тишина.

Алекс открыл глаза. В них стоял дикий, первобытный восторг. Он посмотрел вниз, на свою ногу, потом на Макса.

– Я... я сам? – прошептал он.

– Сам, друг. Только ты, – Макс с трудом сглотнул ком в горле и поднял глаза на стекло операторской.

Там, за прозрачной перегородкой, Элиза медленно сползала по спинке кресла, закрыв лицо руками. Ее плечи вздрагивали. Код сработал. Воля человека взломала металл. Они победили.

5. Эхо триумфа (Переход к настоящему времени)

...Элиза очнулась от воспоминаний, когда чашка с остывшим чаем чуть не выскользнула из её пальцев. Прошло столько лет, Проекту “Анима” не удалось стать международным достижением, стандартом борьбы за человеческий дух – Система Зодчего припрятала до поры до времени ее разработки, надеясь в скором будущем использовать их во благо себе.

Макс... Макс остался там, в прошлом, разделенный с ней километрами и недосказанными словами, сфабрикованным ДНК и ложными сведениями о ее гибели. Но этот запах лаванды и вкус первой победы воли над бездушным железом не забудется никогда.

Она посмотрела на экран своего нынешнего терминала. Новая задача была куда сложнее прежней, но теперь она знала: если железо не слушается – нужно просто заставить его замолчать и дать сказать человеку.

В нейросети наступила странная, затяжная тишина. Чип не являл, не торопил. Слышно было только, как с колоссальной скоростью щелкают его невидимые квантовые реле, сопоставляя структуру заблокированного файла с глобальной базой данных Системы.

– Макс,... – голос Фокса изменился. Исчезла привычная ироничная вальяжность, теперь он звучал необычно тихо и серьезно. – Твой внутренний замок сделан на совесть, парень. Но у меня для тебя две новости. Первая: ты паршиво скрываешь свои чувства.

– Я сейчас вырежу этот чип вместе с куском черепа, – прорычал Макс.

– А вторая новость в том, что тебе придется отложить похороны, – перебил его чип. – Ты сказал, что в этом твоём воспоминании зашит уникальный биокод – ваша личная цифровая подпись, верно? Вы с Элизой использовали ее как пароль. Так вот, Макс... Мертвецы не пользуются шифрованием первого класса. И они точно не заходят под своими протоколами в закрытые распределительные узлы Сектора Б.

Макс замер. Дыхание перехватило, а сердце, казалось, пропустило удар. Дождь за стеклом затих, мир вокруг сузился до этого электронного голоса в голове.

– Что ты сказал? – шепотом спросил он.

– То и сказал, – в голос Фокса вернулась его привычная, ободряющая уверенность. – Код твоей Элизы всплыл в сети Системы буквально час назад. Зодчий не уничтожил ее на “Авроре”. И не расправился с ней позже, захватив в плен. Заявляю со стопроцентной уверенностью: твоя девочка жива, Макс. Мы правы: она в руках Внутреннего Круга. И если нам удастся взломать эту чертову организацию, мы не просто спасем галактику от превращения в Excel-таблицу. Мы вытащим твою Элизу. Ну что, теперь у тебя достаточно мотивации, чтобы открыть мне этот чертов шлюз до конца?

Макс открыл глаза. Страх больше не было. Лед, сковывавший его сердце три последних года, треснул и осыпался. Взгляд парня стал острым и сфокусированным, как лазерный луч.

– Интеграция на сто процентов, Фокс, – четко произнес Макс, нажимая на педаль глайдера. – Взламывай этот мир к чертям. Мы идем за ней.

– Стоп! – почти криком раздался голос Фокса. Давай не пожалеем времени и проведем дополнительный аудит системы. Согласись, надо предусмотреть все коварные выходки врага, чтобы не влипнуть в очередную ловушку.

И нам понадобятся помощники – надо лететь к Соппротивлению.

6. Последняя проверка. Запах книжной пыли

Дождь, видимо, зарядил на всю осень без перерыва. За панорамным окном глайдера, который сейчас служил Максиму не только транспортом, но и убежищем, он продолжал смывать

остатки неоновой блески с фасадов Абсолют-Сити, а внутри Макса штормило по-другому. Интеграция с нейрочипом вышла на тот уровень, когда мысли больше не принадлежали ему одному. Фокс сидел в его черепной коробке, словно бесцеремонный, но чертовски пронизывающий критик в кинотеатре, прокручивая воспоминания Макса, как старую киноленту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.